

ТАТЬЯНА СОВОЛЬ
18+

МАГ

ОСОВОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

Татьяна Павловна Соболев

Маг особого назначения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34712769

ISBN 9785449301918

Аннотация

В других обстоятельствах они были бы по разные стороны баррикад. Но Судьба свела их вместе, и теперь только от опального сыскаря и мага-отшельника зависит, прорвутся ли в наш мир темные силы. Дружба и предательство, магия и сила любви, озарение и недопонимание – эта книга поможет вам окунуться в мир потрясающих приключений.

Содержание

1 глава	5
2 глава	23
3 глава	37
4 глава	57
5 глава	85
6 глава	99
7 глава	111
8 глава	120
9 глава	132
10 глава	151
11 глава	171
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Маг особого назначения

Татьяна Павловна Соболев

Дизайнер обложки Татьяна Павловна Соболев

© Татьяна Павловна Соболев, 2021

© Татьяна Павловна Соболев, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4493-0191-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 глава

Жизнь – штука полосатая. Только ты купался в лучах славы, БАЦ! Выясняется, что полоса сменила цвет и ты впал в немилость к Фортуне...

Сквозь сон я слышал, как пикси заколотился в окно, громко вереща:

– Стрельцов! Срочно к шефу! Одна нога здесь, другая там!

Я застонал и бросил в окно носок, но на нахального курьера это не произвело ни малейшего впечатления. Только визг усилился. Придется вставать. Иначе соседи с ума сойдут.

Довольно хмыкнув, пикси-курьер последний раз стукнул в окно и исчез в ночи.

Бросил взгляд на часы. Не удивительно, что песок в глазах. Маленькая стрелка гордо застыла у тройки, большая упорно карабкается к двенадцати. Вот крабий хвост! Шеф совесть потерял! Знает же, что я улегся после полуночи!

Поворчав для порядка, я начал одеваться. А что делать? Шеф, конечно, монстр, каких поискать, но особого самодурства за ним до сей поры не замечалось. Раз уж он решил поднять тебя в три ночи, значит дело до утра терпеть не может.

Если честно, вызов шефа не стал для меня неожиданностью. Я всегда знал, что он с легкостью пожертвует драгоценными часами моего сна, чтобы удовлетворить своё любо-

пытство. Но все-таки три часа ночи...! Мог бы и подождать до рассвета, не умер бы...

Оказалось, не мог. И дело не в любопытстве шефа, уж его он худо-бедно обуздал бы до утра. Зато над моей бедовой головушкой сгустились тучи. Вот шеф и поспешил меры принять.

Кабинет шефа встретил иллюминацией: на столе истекают прозрачным воском свечи в канделябре, под потолком трехэтажная люстра сияет так, что глазам больно. Плюс ко всему в углу на треноге сверкает магический шар, от себя добавляя разноцветные всполохи. Вот только физиономия у шефа совсем не праздничная: под глазами тени залегли, высокий лоб избородили морщины, в глазах плещется тревога. Похоже, шеф вообще не ложился. А я-то ворчал, что меня рано подняли...

– Марк, последний инцидент на старом кладбище твоих рук дело? – строго поинтересовался Святозар, опуская приветствие. Ого, да шеф серьезно на взводе!

– Моих, – не стал я отрицать очевидное. Да и как отрицать, если я с порога заметил на столе шефа папку, в которую самолично укладывал отчет о проделанной операции.

– Угу, – кивнул шеф и посмотрел на меня как на смертельно больного: с сочувствием и плохо скрываемой жалостью. – Значит, развоплотившийся маг тоже на твоей совести? Без этого нельзя было обойтись? Ты в курсе, что отец подстреленного тобой мага поднял целую бучу? Между прочим, да-

же Его Величество заинтересовался инцидентом, если тебе это о чем-нибудь говорит.

Ох уж мне эта жизнь полосатая. Когда-то я был оптимистом, но на службе в Белом Сыске мой оптимизм заметно потускнел. Слишком уж часто Великий Уравнитель стоит за плечами мага особого назначения и дышит в затылок. Казалась бы: только вчера я разогнал банду магов-самоучек, покусившихся на Запретные Заклинания, и чувствовал себя героем дня, достойным всяческих похвал, а сегодня – бац! Стою перед шефом, повесив голову, как напроказивший школяр. Откуда тут оптимизм?

Я пожал плечами.

– Да, в ходе операции пришлось пристрелить юнца, занесшего жертвенный нож над девушкой, – слово в слово повторил я то, что написал в отчете. – Но я ни на миллиметр не превысил своих полномочий. Все было сделано по инструкции, хоть в учебник вставляй.

Шеф сдержанно хмыкнул, трубка в ответ пыхнула облаком дыма, он открыл папку и пробежал глазами пару строк.

– По инструкции, говоришь... – неопределенно протянул шеф, глядя в окно, за которым таинственно перемигивались звезды. – Ну-ну...

– Между прочим, вся вина той девчушки заключалась лишь в том, что, дожив до своих лет, она не удосужилась расстаться с девственностью, – возмутился я. – Святозар Владимирович, разве я виноват, что папаша этого мага-самоуч-

ки в свое время мало порол сынка? Почему он плохо объяснил ему, что такое плохо и что такое хорошо? Не ему ли, главному советнику короля, знать, как опасна Черная магия и Запретные заклинания?

Брови шефа заложили складку на лбу, но он смолчал, признавая мою правоту.

– Вы же понимаете, – продолжал я пениться, как колба алхимика-склеротика, – если бы я не вмешался, пролилась бы жертвенная кровь, старое заклинание ожило бы, и тогда пострадал бы не один недоросль, а вся округа!

Шеф опять кивнул. Еще бы! Эти глупцы чуть не выпустили на волю бруколака: практически неуязвимую разновидность вампира. Пока бы эту тварь уничтожили, пол округа обезлюдило бы.

– Ладно, Марк, иди, – устало сказал шеф. – Будем делать посмотреть.

К счастью, мнение шефа полностью совпало с моим, поэтому он приложил немалые усилия, но конфликт погасил. Разгневанный отец, жаждавший моей крови, остался ни с чем, только угрозами сыпал нешуточными. Но это нам не впервой, я уже привык. Работа такая. Правда, в этот раз шеф, руководствуясь какими-то своими доводами, предложил мне взять отпуск. За свой счет, между прочим!

Не справедливо...

С другой стороны, уехать сейчас в отпуск не так уж и плохо. За окном весна, плавно перетекающая в лето. Удушаю-

щей жары пока нет, но по всем приметам, она не заставит себя ждать. А я устал! Устал доказывать, что действовал в рамках закона, что, если бы я замешкался, погибла бы невинная девушка. Что, если бы пролилась кровь невинной, погибла бы масса людей! Все разбивалось о несокрушимый аргумент потерявшего от горя голову отца: «Мой сын на такое не способен!» Впрочем, отчасти я его понимаю. Каждый родитель слеп и глух к чужому горю, если что-то грозит родному дитятке...

Решено. Прочь из столицы, подальше в глубинку. Найду «норку» поглубже, на дверь ловушку для особо пытливых и завалюсь спать. Спать без кошмарно реальных снов, упорно напоминающих, что шизофрения где-то рядом. Спать, забыв обо всех и обо всем!

Потом проснусь с ясной головой и начну жизнь сначала. В конце концов, на Белом Сыске свет клином не сошелся, человек с головой всегда может найти теплое местечко под солнцем. К примеру, открою частное магическое агентство, буду за умеренную плату спасать бедовых вдовушек от привидений, которые в больших количествах селятся у них под кроватями. Шеф еще пожалеет, что отправил меня в ссылку...

Тихий провинциальный городок, тонущий в буйной зелени приморья, показался подходящим местом для «тайной норы» опального мага. Обнаружив скромный трактир, хозя-

ин которого с трудом сводит концы с концами вдали от большака, я пришел в восторг. То, что лекарь прописал!

Уютная комната на втором этаже с видом на море, крепкий навес под самым окном, малочисленность постояльцев: все это устроило меня на все сто. Да и хозяин с пониманием отнесся к желанию клиента поселиться инкогнито, особенно когда энная сумма перешла из моих рук к нему в карман. Он закрыл глаза даже на то, что его дочь, пышнотелая красавица, откровенно строила мне глазки. Но я, сославшись на усталость после долгой дороги, поспешил укрыться в отведенной комнате. Не для того я бежал из столицы, чтобы заводить романы с местными красавицами. Потом хлопот не оберешься.

Комната оказалась небольшой, убранством не поражала, зато чисто и все необходимое для жизни опального мага-сыскаря в наличии. Я толкнул створки, окно послушно распахнулось, впуская в комнату воздух, напоенный свежестью и ароматом цветов.

Красота, кто понимает! В любой момент: прыг на навес и хочешь – в море, сверкающее на горизонте лазурной полосой, а хочешь – в горы, чьи снежные шапки висят почти над головой. Только меня и видели.

Если все же отыщут...

Все, спать. Кровать зовет! Зевок до хруста, пистолет для душевного равновесия под подушку, апологет на шею, дабы о магической опасности предупредил, над дверью ведро

с водой ни живой, ни мертвой, чтоб ни одна тварь бесшумно не подкралась. А теперь бросить усталое тело на чистые хрустящие простыни – и СПАТЬ! Дня три, не меньше!..

Не дали...

Три часа ночи. Мертвый час. Опять. В это время даже сердце замедляет биение, комары и те зудеть прекращают, а тут... Началось...

Меня будто кто в бок толкнул. Глаза распахнулись, плясь в непроглядную темноту, сна, как ни бывало. Что такое? Ночь еще только думает смениться предрассветным сумраком, петухи еще спят на насестах, а я лежу начеку, уши торчком, фильтруют звуки, которыми дышит ночная тишина. Темно. Тихо. Только вода где-то капает. Апологет холодный, значит, разбудила меня не магическая угроза, а что-то другое...

И тут я понял! Цикады! Молчат! А весь вечер трещали, трещали, трещали, чтоб им пусто было. Что-то их спугнуло. Вот одна завелась, другая подхватила, и тишина вновь заполнилась трескучей мелодией. Рука невольно нырнула под подушку, но холод металла подействовал отрезвляюще: ты чего, Стрельцов, совсем параноиком стал? Чего заранее держась? Мало ли что могло спугнуть безмозглых насекомых. Да и ведро над дверью никому не позволит проникнуть в комнату незамеченным...

Оп-па!! Не помогло ведерко!!! Ещё бы! Ходящим Сквозь Стены двери не нужны, ведро осталось не потревоженным.

Прямо сквозь стену в комнату, неспешна, как к себе домой, просочилась фигура исполинских размеров. Вот это «шкаф»!

Я без резких движений сел, мушка зацепилась за медальон посетителя, блеснувший в лунном свете, но стрелять я погодил. Успеется. В свете последних событий я стал осторожнее. Да и шеф просил не стрелять первым. Это правильно, первым стрелять не буду. Буду стрелять последним. Да и мало ли по какому вопросу человек заглянул, правильно? Вдруг, просто номером ошибся. Бывает же...

– Собирайся, – пророкотал густой бас незнакомца. Похоже, его не смутил прохладный прием. Более того, не обращая внимания на пистолет, незнакомец шагнул вперед, и слабый свет ущербной луны позволил рассмотреть гостя. Я понял, что ошибся, приняв его за крупного человека. Таинственный гость оказался маленьким троллем, если быть совсем точным, маленьким горным троллем. Крючковатый нос на суровом, будто вытесанном из камня лице, над глазами с вертикальным зрачком нависли кустистые брови, тяжелая нижняя челюсть выступает вперед, выдавая норов хозяина. Седые космы рассыпаны по плечам и на лбу перехвачены кожаным шнурком. Оружия будто бы не видно, хотя в карманах широченных штанов можно спрятать базуку, никто и не заметит. Зато кожаный жилет, накинутый на волосатые плечи, не оставляет места для фантазии.

Колоритный тип невозмутимо взирал на меня, будто

не среди ночи вломился в чужой номер, а заскочил на рюмку чаю к старому другу.

Я не люблю, когда меня к чему-то принуждают. Поэтому спросил, задумчиво почесывая висок дулом пистолета:

– Зачем?

– Узнаешь, – лаконично ответил загадочный посетитель.

– Когда?

– Скоро.

Вот и поговорили. Главное содержательно до безобразия. Он что, за каждое слово сверх лимита чистым серебром расплачивается?

Троль бросил взгляд в окно, кустистые брови сошлись на переносице. Интересно, что он там увидел?

– Собирайся быстрее. Долго говорим.

– А я никуда не спешу, – уперся я, хотя внутренний голос вкрадчиво подсказал, что прогулка под луной неизбежна. – И спать хочу.

– У нас поспишь.

– С кем?

– Сам.

О-о-о! Да мы не без чувства юмора. Это вселяет некий оптимизм. Хотя могут быть трудности перевода, язык троллей не отличается разнообразием оттенков и интонаций.

– Одеться?

Троль задумался. Уловил-таки каплю иронии, даже скупая улыбка чуть искривила плотно сжатые губы.

– Дело твоё. А пистолет отдай, – сдержанно сказал ночной гость, и ко мне протянулась рука, похожая на совковую лопату. «Счаз! Разбежался! – подумал я. – Да в этой лапе мой верный пистолет сгинет, как муха в пасти росянки».

– Ты от кого такой бред слышал, что Стрельцов добровольно оружие направо, налево раздает? Плюнь тому в глаз! – от души посоветовал я, возмущенный беспардонностью нахала.

Лицо тролля второй раз дрогнуло то ли в улыбке, то ли в усмешке.

– Не бойся, не обижу.

– А это не так просто, – уверенно заявил я, одеваясь. – Кто меня обидит, тот сам трех дней не проживет.

– Я с добром пришел, – буркнул тролль, поглядывая в окно.

– Ну да. Среди ночи. Порадовать спешил, благодетель.

– Ехать далеко, – словно извиняясь за раннее вторжение, пояснил тролль.

– Вломился без стука, через стену, как привидение. А если бы я заикаться стал? – продолжал я бубнить уже скорее по инерции. Просто мне не нравится, что тролль нервничает. Привычно ревизовал карманы: так, сигареты взял, зажигалка тут, пистолет под мышкой, в родной кобуре, апологет, как положено, болтается на шее.

– Ну, ты ж не красна девица, по пустякам в обморок хлопаться, – пожал плечами тролль. И добавил: – Вещи все за-

бирай, сюда не вернешься.

– В каком смысле? – возмутился я. – Ты что себе позволяешь?

Троль успокаивающе поднял руку.

– Не так понял. Сам не захочешь. В гости едем. К хорошему человеку. Но это вторая причина. Первая вон, за окном уже маячит.

Я глянул в окно: ночная тьма нехотя уступает место пред-
рассветному сумраку. Темные силуэты деревьев танцуют,
качаясь под порывами ветра, звезды перемигиваются с юным
месяцем... Неожиданно за стеклом мелькнул до боли знако-
мый силуэт крылатой твари, а на груди запульсировал аполо-
гет, ощутимо нагреваясь. Налитые кровью глаза одарили ме-
ня взглядом, далеким от обожания, а огромные, не влезаю-
щие в пасть, зубы плотоядно щелкнули в предвкушении до-
бычи. Только этого не хватало! Старая знакомая. Каларатра,
гарпия-убийца. Давненько не виделись. И еще столько же
не видеться бы...

– Что ж ты раньше молчал? – взвыл я, хватая сумку. Слава
Зиждителю, я её с вечера так и не разобрал! Как знал, что
не задержусь. Я бросился к дверям, но взгляд невольно об-
ратился к ведерку, которое сам же не так давно примостил
над дверью. Вот крабий хвост! Только холодного душа мне
и не хватает!

Заметив, что я нерешительно замаялся у двери, троль
не стал вдаваться в подробности. Он молча схватил меня

за руку и потащил к стене. Бородатый скат, он же хочет сквозь стену пройти! Вместе со мной! Только не это! Уж лучше холодный душ! Я изо всех сил уперся ногами в пол.

– Стой! Куда?!

Но тролль просто не заметил моих усилий, массивная фигура нырнула в стену, как нож в масло. Я попытался вырвать руку, но безнадежно, она словно в тиски попала, и мне осталось только, как в том анекдоте: «расслабиться и постараться получить удовольствие».

Ну и денёк начинается!

Смылись вовремя. Только я, ощущая зуд во всем теле, вывалился из стены в коридор, как в опустевшей комнате слышался звон разбитого стекла. Каларатра, не найдя мирно почивающей жертвы, разочарованно взвыла и принялась громить мебель. Вой твари взбаламутил всех собак, округа огласились заполошным лаем. Ой, что будет!

– Ложись! – дернул меня вниз тролль, а сам сунул руку в бездонный карман. Дверь содрогнулась от удара, загромыхало ведро, обливая гарпию холодной водой. Затрещали доски, дверь слетела с петель, тяжело рухнув на пол, в проеме показалась гарпия, по-собачьи отряхиваясь после душа. Налитые кровью глаза зашарили по темному коридору, пока не уставились на меня. Каларакта довольно рыкнула, я в ответ взял нечисть на мушку. Помирать, так с музыкой! Прихлопнуть её, конечно, не удастся, калибр не тот, но хоть шкуру попорчу...

Гарпия рванулась ко мне, кляца зубами, но крылья застряли в дверях, и она с возмущенным воем отлетела назад. Троль размахнулся и бросил в гарпию пузырек, сапфиром сверкнувший в свете факела. «Во дает! – подумал я. – Она сейчас прихлопнет нас, как мух, а он её духами забрасывает!»

Но я ошибся. «Духи» оказали на гарпию роковое действие. Флакон взорвался миллионом осколков, ярко-голубая жидкость выплеснулась на обвислую грудь, серая кожа мгновенно покрылась волдырями. Тварь взвыла дурниной, и ей стало явно не до нас: волдыри полопались, извергая зеленую слизь, пахнуло запахом тухлых яиц. Сдерживая подкативший под горло комок, я наблюдал, как жуткие язвы покрывают тело гарпии. Каларакта рухнула, как подкошенная и забилась в агонии, выдирая из пола доски. Я машинально шагнул вперед, но гарпия, несмотря на боль, рванулась ко мне в тщетной попытке добраться до горла ускользающей жертвы.

И откуда она, такая упорная, взялась на мою голову?

– Вот крабий хвост, отдохнул, называется, – пробурчал я, отступая от затихающей твари.

– Уходить пора, – дернул меня за руку троль.

– Это да, – кивнул я, пятясь назад.

Мы ссыпались вниз, лестница протестующе заскрипела под ногами, вдогонку летели вонь и завывания гибнущей твари, придавая нам ускорение. Оленья голова, безмолвно

взирающая со стены, проводила нас пустым взглядом, пока мы, в темпе вальса, пронеслись через пустой зал, мимо потухшего камина. Наконец входная дверь гулко хлопнула за спиной, отсекая дурной запах, и мы вылетели во двор. Благодарные легкие расправились, втянув порцию свежего воздуха. Звездное небо распахнулось над головой.

Завывания гибнущей твари взбаламутили немногочисленных постояльцев. Послышались возмущенные требования немедленно прекратить безобразия. Как я их понимаю!

Но тут весь гам перекрыл истеричный женский визг, и посрамленная нечисть мгновенно заткнулась. Похоже, кто-то обнаружил гарпию. Вскоре послышался голос хозяина: он пытался успокоить постояльцев, одновременно выясняя причину переполоха. Сейчас он увидит искалеченную дверь моего номера и не сможет не задаться вопросом: а где постоялец? Придется уходить не прощаясь. В противном случае объяснений не избежать, а значит накроется медным тазом моё инкогнито. Оно мне надо?

Оказалось, тролль полностью разделяет мою точку зрения. Недолго думая, он схватил меня за руку и, как на буксире, потащил к запертым воротам. Огромный замок кого угодно убедил бы, что постоялый двор невозможно покинуть до рассвета, но только не моего нового знакомого. Не успел я толком зажмуриться, как оказался по ту сторону ворот, с трудом переводя дыхание. Ушли!

Я осмотрелся. У обочины стоит, радуя взор, серебристый

магбиль. Ни одного острого угла, сверкающий веер спиц, ду-
тые шины, кресла, манящие непрактичной белой кожей: все
это способен по достоинству оценить даже такой далекий
от техники человек, как я.

– Ух, ты! – не смог я сдержать завистливого вздоха. – Вот
это техника!

Троль уверенно шагнул к магбилю, на ходу доставая
из кармана ключ-кристалл. Раздался тихий щелчок, дверца
гостеприимно распахнулась, и троль сделал широкий жест:

– Дать порулить?

– Это твой? – не смог я скрыть удивление. Уж больно
несуразно смотрится троль, рядом с изящным магбилем.
Как бегемот в пачке. Троль сделал неопределенный жест
рукой, но потом сознался:

– Нет. У хозяйки взял. Иначе не успел бы.

Понятно. А хозяйка, похоже, не простая. Магбиль – это
игрушка для избранных. Я не смог устоять перед соблазном
и устроился в кресле водителя. Такое доверие в какой-то ме-
ре успокаивает. Пленников как-то не принято сажать за руль.
С другой стороны, человек за рулем не так опасен. Не бу-
ду же я на ходу выбрасывать троля из магбиля, правильно?
Вон он какой сильный. Начнет лапами за дверцу цепляться,
проклятиями сыпать, длинными, как дорога в рай, и таки-
ми же тернистыми.

Троль не без труда устроился рядом. Магбиль явно
не рассчитан на его габариты, хорошо крыша откинута и гар-

мошкой лежит на багажнике, а то пришлось бы троллю голову в окно высовывать. Умопившись, он скомандовал:

– Прямо.

Хм. Кто бы сомневался. Можно подумать, есть варианты: дорога то одна, в горы. А внутренний голос ехидно прокомментировал: скорее всего, это дорога в один конец. По крайней мере, для Стрельцова.

Магбиль, сыто мурлыкая, стремительно понесся по дороге. Ключ-кристалл мягко подмигивает, километр за километром бесследно исчезают под капотом, но скорость почти не ощущается, только деревья мимо пролетали. «Ради удовольствия править таким магбилем, послушным даже мысли, стоило проснуться до рассвета, – постарался я найти хоть один плюс в столь раннем подъеме. И тут же нашел еще один – Я жив. И это славно».

Очередной виток серпантина вынес нас на первую разъездную площадку. Рука-лопата легла на плечо. Как бабочка на цветок. Или медведь на бабочку.

– Остановись. Назад посмотрим.

Я перечить не стал. Хотя догадывался, что увижу. К сожалению, действительность оказалась даже хуже, чем я предполагал. Трактир, похожий с высоты на кукольный домик, расцвел лепестками огня. Видно, кто-то в суматохе уронил свечу, а много ли надо деревянной постройке, сухой как порох? Надолго запомнят тут эту ночь...

– Запомни, Азар тебя спас, – веско сказал тролль, глядя

сверху вниз.

– Азар, так понимаю, это ты? – без эмоций спросил я, с тоской глядя на фигурки, суетливо бегающие вокруг полыхающего трактира. Вот краб бородатый! А как все хорошо начиналось. От всех скрылся, хотел просто отдохнуть... Найду сволочь, которая подслала гарпию, убью на месте! Пусть потом шеф разоряется о недопустимости таких методов и превышении полномочий. Пока мы цацкаемся с разными чернокнижниками, они добрым людям отпуск портят!

Кто-то тронул меня за плечо. Весь в растрепанных чувствах, я обернулся. Перед носом возник рог в серебряной оплетке, показавшийся крохотным в лапе тролля. Терпкий аромат вина защекотал обоняние.

– Что это? – устало спросил я.

– Хозяин передал. Твое любимое.

Я пригубил. И, правда, оно самое.

– А откуда он знает, что это моё любимое?

– Хозяин все знает, – без тени сомнения заявил тролль.

– Самому Зиждителю служишь, что ли? – с изрядной долей сарказма спросил я. Но тролль шутки не принял и неожиданно обиделся:

– Не смейся. Накажу.

Достал он меня. Или ночь сумасшедшая достала. Или жизнь в целом. Но я взорвался:

– Это не так просто, как...

Тролль усмехнулся и перебил мою экспансивную речь:

– Знаю-знаю. Это не так просто. Но я постараюсь. Вернись, да?

Я только рукой махнул. Тем временем тролль вернулся к магбилю, его седая голова скрылась в глубине багажника, а когда мой невольный попутчик вынырнул, в его руке тяжело качнулся огромный, золотой как солнце, апельсин. Одно неуправляемое движение и фрукт распался на дольки, словно на руке тролля расцвел экзотический цветок.

– Выпей вина. Скушай апельсин, – примирительно сказал Азар. – И поехали. Хозяин ждет.

– Это тебе он хозяин, – расставил я точки над «и». – Я сам себе хозяин.

Вино согрело душу. Мрачные мысли поблекли, отступив на второй план. Апельсин достойно завершил импровизированный завтрак. Азар молча сел за руль. А я постоял еще немного, подставляя гудящую голову свежему ветру. Посмотрел на восток, где занимается стыдливый румянец зарницы. Послушал разноголосицу птиц, возносящих хвалу светилу. Бросил прощальный взгляд на трактир. Огонь почти потушили, только дымок над крышей до сих пор курится...

Плюнул в сердцах и сел в магбиль.

– Уговорил. Поехали. За второй причиной.

2 глава

Не знаю, что сказалось больше: бессонная ночь, многолетняя усталость или другая какая причина нашлась, но только я, под баюкающее мурлыканье магбиля, безмятежно уснул. Глупо, конечно. Меня практически похитили, везут в полную неизвестность, что там впереди, одному Зиждителю известно. Я ведь даже не удосужился поинтересоваться именем таинственного хозяина. Но оказалось, что все это меня мало волнует. Куда едем, зачем едем? А какая, собственно, разница? Для того чтобы просто меня убить, не имело смысла затевать эпопею со счастливым избавлением, можно было просто обождать, пока гарпия вопьется в моё горло. Значит, смерть пока не грозит, а все остальное, если честно, мне «до шкентеля», как говаривал наш боцман во времена, когда я служил во флоте...

Солнечный зайчик настырно лезет в глаза. Я и так ворочался и этак, не помогло. Наконец, сдался, глаза распахнулись навстречу свету, и сон окончательно сбежал от меня. С неопишуемым ощущением человека, в очередной раз разминувшегося с Великим Уравнителем, я глянул по сторонам с целью выяснить «иде Я?».

Взгляд, не встречая преград, провалился в пропасть. Да-

леко на дне клубится сизый туман. Сердце ёкнуло, я, охнув, вцепился в сидение. Оказалось, магбиль пробирается по горной дороге над самой пропастью, прижимаясь к скалам, нависшим над головой. Вообще-то я высоты не боюсь, просто от неожиданности захватило дух. С уважением посмотрел на тролля. Как он по этой дороге в темноте ехал? Еще чуть-чуть, и дорогой это уже не назовешь. Так, козья тропа. По ней только архарам прыгать.

– Далеко еще? – спросил я, переводя дыхание. Запропавшее в пятках сердце постепенно вернулось на место.

– Скоро приедем, – ответил тролль, не отводя взгляда от дороги. – Только сначала в одно место заедем. Базар называется.

Я пожал плечами. Базар, так базар. Не вопрос. Откинувшись на сидение, я предался созерцанию окружающих красот. Величественные пики гордо устремились ввысь, четко выделяясь на фоне лазурного неба. Снежные шапки дышат прохладой, сверкая так, что глазам больно. Лазурь небес подчеркнута легкими мазками перистых облаков.

Но, любясь красотами природы, я внезапно ощутил дискомфорт. Чей-то внимательный взгляд царапнул затылок. Ничего определенного, но на груди едва заметно потеплел

апологет, а шестое чувство шепнуло: следят. Я закурил головой, пытаясь вычислить соглядатая, но в местных горах можно упрятать хоть весь легион Гарантов, числа которым, по-моему, не знает даже король, на чьей службе они состоят, а ты пройдешь рядом и ничего не заметишь. Поэтому я прекратил идиотские телодвижения и откинулся на спинку кресла. Турист, крабий хвост им всем в печенку.

Взгляд скользнул по окрестностям, в поле зрения попала сова, и шестое чувство взвыло сиреной: вот оно! Бедной птичке давно пора спрятаться в дупле от испепеляющего солнца, но её явно кто-то использует, чтобы следить за нами. Вон как натужно машет крыльями, бедолага, стараясь поспеть за магбилем...

– Закупим все свежее, – неожиданно подал голос тролль. – Будем дорогого гостя угощать.

– Угостили уже. Сыт, – буркнул я, на мгновение отведя взгляд от совы. Странная птица этим тут же воспользовалась и исчезла. Все произошло так быстро, что невольно закрался вопрос: а была ли птица? Может, спросонья померещилось? Паранойя начинается?

– Э! Зачем плохое долго помнишь? – удивился тролль.

– На дорогу смотри! – всполошился я, разглядев впереди крутой поворот.

– Зачем боишься? Азар дорогу знает, как свои шесть пальцев, – заявил водитель, демонстрируя эти самые пальцы.

– Сворачивай! – завопил я, слыша, как камни из-под колес летят в пропасть. Еще чуть-чуть и мы отправились бы следом, но тролль не бахвалился: мизинцем повернул руль и магбиль искусно вписался в опасный поворот. Я перевел дыхание, рука машинально смахнула пот, выступивший на лбу. Тролль, искоса глянув, хмыкнул:

– Слушай, может, я ошибся? Может, ты не Серый Маг из Белого Сыска? Там, говорят, служат люди бесстрашные?

– Врут, как всегда, – буркнул я. – Страх не ведают только сумасшедшие. А душевнобольных на службу в Белый сыск не берут.

Тролль только головой покачал, тая улыбку. Впервые такого улыбчивого тролля встречаю. О его сородичах ходит репутация суровых воинов и прижимистых торгашей, скупых на проявление чувств и свято чтящих древние традиции.

Дорога, попетляв по склону горы, спустилась в широ-

кую котловину, на пологих склонах которой расположился небольшой городок. Его улицы, петляя и извиваясь, прыгая с террасы на террасу, сбегали вниз, к базарной площади. Я с интересом разглядывал пролетающие мимо домики. Симпатичный городок. У каждого домика разбит палисадник, легкие изгороди радуют глаз неожиданными расцветками.

Но, если честно, не цветы привлекли мое внимание. Стоило въехать в город, как за нами увязался «хвост». Потрепанный, но шустрый магбиль двигается следом, причем, особо не маскируясь. Я даже разглядел гнусную ухмылку водителя.

Троль ничего не заметил. Уверенно крутит баранку, раскланиваясь с аборигенами, магбиль без труда лавирует в потоке транспорта. Подтянутый городской на перекрестке козырнул Азару, как хорошему знакомому. Подключить его, что ли? Пусть преследователей возьмет за жабры. Хотя нет, местных жителей пока не буду впутывать. Да и законов преследователи покудова не нарушили, брать не за что.

Узкие улочки влились в широкую центральную улицу, словно весенние ручейки в полноводную реку, которая вынесла магбиль на базарную площадь. Море звуков и лавина запахов обрушились на нас, стоило припарковаться у ворот базара. Народу! А транспорта разнообразнейшего! Еле-еле нашли место для парковки. Отъехала невзрачная дву-

колка, и мы втиснулись на её место. Слева от нас стоит карета с дверцами, богато изукрашенными золотыми вензелями, в её упряжке пара гнедых хрупают овсом в мешках, недовольно фыркая на наш магбиль. С другой стороны расположилась извозчичья пролетка, на козлах которой мирно клюет носом кучер, прикрыв глаза картузом. Вездесущие голуби расхаживают с важным видом, курлыча и уворачиваясь от копыт.

Хороши голуби! Каждый с курицу. Видать, неплохо им живется на базарной площади.

Троль достал из багажника здоровенную корзину. Я присвистнул: ничего себе тара. Я бы в ней с головой поместился! Перехватив корзину поудобнее, Азар бросил на ходу:

– Далеко не отходи. Я быстро.

Я молча кивнул, глядя ему вслед. Базарный водоворот поглотил исполинскую фигуру, только широченные плечи еще какое-то время мелькали в толпе. Закурив, осмотрелся.

Преследователям с парковкой повезло меньше. Они потыкались, норовя встать как можно ближе к нашему магбилю, но их все время опережали более шустрые водители. Наконец они уместились на место отъехавшей пролетки, которую

занял важный господин с массой сумок и кульков. Я не стал дожидаться дальнейшего развития событий и вылез из магбиля. Ноги поразмять, народ посмотреть, себя показать. Да и сидеть в магбиле глупой мишенью смысла нет. Не стоит упрощать противнику задачу. Так, да?

Я неспешно двинулся вдоль торговых рядов. Зазывалы наперебой нахваливают товары, ароматы специй причудливо смешиваются с запахом выделанной кожи, в глазах рябит от обилия и разнообразия товаров.

– Подходи, народ, в мой огород! – надрывается какой-то детина, стоявший за прилавком, увешанном шорной продукцией. К нему подходят мужики, крутят хомуты и так и этак, но, заслышав цену, возмущенно охают и идут дальше. Понаблюдав за незадачливым торгашом, я отправился дальше.

Люблю базары. Здесь можно найти все, что душе угодно: от сахарного арбуза до остро заточенной шашки, с которой хоть сейчас прямо в бой. А уж какие сценки здесь можно подсмотреть! Королевские шуты отдыхают!

Но, даже пробуя сахарный арбуз и разглядывая оружейную лавку, я продолжал спиной ощущать взгляд, полный ненависти. Вот лысый краб! И на что я им, таким упорным, сдался? Вообще не понятно, с какого перепуга на меня объ-

явлена охота. В этих краях я насолить пока никому не успел, если не считать трактирщика-погорельца. Но и там моей вины нет, чтобы он ни думал. А столичные недруги не моли так быстро обнаружить мое скромное убежище. О том, куда примерно собираюсь, я перед отъездом поведал только двум абсолютно надежным людям: собственному шефу и одной знакомой ведьме. И в излишней болтливости их обвинить нельзя.

Не люблю играть по чужим правилам. Особенно крапленными картами. Поэтому я решил не ждать милостей от природы и спровоцировать противника на действие. Но на своих условиях. Я резко обернулся и посмотрел в глаза преследователя. Оп-па!.. А глазки ответили отблеском серебра. Оказалось, меня преследует молодой парнишка, совсем еще щегол, который старательно, но неумело делает вид, что его интересует лишь товар, разложенный на прилавках. Укушен, полагаю, недавно, потому что особых волчьих навыков не видно. Но, если мне не изменяет мой склероз, как правило, оборотни ходят стаей. Значит, пока этот неуклюжий охламон отвлекает меня, другой, более опытный, крутится где-то рядом, выжидая удобный момент.

Сильно же их подперло, если рискуют выйти на охоту среди бела дня, да при таком скоплении народа. Если оборотней раскроют, им не поздоровится. При всей терпимости рас

друг к другу, оборотней никто не любит. Уж не знаю точно, после укуса люди становятся столь отвратительно жестокими и беспринципными, или же оборотни кусают себе подобных, но факт на лицо: более жестокое и отвратительное создание, чем оборотень, представить трудно. Со временем все человеческие пороки у оборотня гипертрофируются, а вот положительные качества становятся почти незаметными. Причем, чем больше новолуний оборотень пережил, тем он сильнее и злобнее. И так до тех пор, пока не схлопочет серебряную пулю. Оборотни обречены на изгнание, им не место среди людей. Только отступники-чернокнижники берут оборотней на службу. Ну у них и особого выбора то нет. Нормальные люди не будут служить человеку, даже просто заподозренному в чернокнижии.

Парнишка-оборотень, нагло заглядывая в глаза, пошел на сближение. Значит, второй тоже на подходе. Ощувив за спиной намок на движение, я резко обернулся, в глаза сверкнул отблеск металла, и я заломил занесенную над моей беззащитной спиной руку. Нож полетел на землю, громко звякнув о брусчатку, я не поленился и откинул клинок ногой под ближайший ларек. Немое удивление мелькнуло в серых глазах, но урок не пошел впрок. Оборотень попытался ударить меня свободной рукой. Ах, ты ж краб варенный!

На нас стали обращать внимание, поэтому я церемонить-

ся не стал и от всей души врезал по наглой морде. Оборотень взмыл в воздух и тяжело рухнул, хватая открытой пастью воздух. Мягкого приземления не получилось: на пути оборотня весьма кстати оказался прилавок, заставленный глиняной посудой. Раздался звон черепков, торговка заголосила как потерпевшая: «Убили!», и мертвой хваткой вцепилась в оборотня. Я восхищенно присвистнул: торговка так встряхнула оборотня, что его зубы лязгнули, как кастаньеты. Сильна, мать!

Толпа задвигалась, мигом собрались зеваки, привлеченные суматохой. «Как бы торговка про тебя не вспомнила», – ехидно шепнул внутренний голос. И то верно. Пока кругом сумятица, нужно технично свалить. Последний раз глянув в сторону свары, я покачал головой. Надеюсь, у оборотня хватит ума не трансформироваться, иначе толпа его просто разорвет. Думаю, у многих присутствующих есть знакомые или близкие, пострадавшие от бесчинств оборотней, так что на того, кто подвернется под руку, мигом повесят всех «овец», сожранных за последнее время.

Незадачливый преследователь наблюдал за фиаско напарника с почтительного расстояния. Я встретился с оборотнем взглядом и подмигнул. Знай наших! Выражение неприкрытого отчаяния мелькнуло в его глазах, глубокий вздох всколыхнул впалую грудь, но парнишка все равно пошел на сбли-

жение, держа руку в кармане. Орел!

Ну, чисто дети, честное слово! Неужели их никто не предупредил, что, завидев Стрельцова, нужно улепетывать, поджав хвост? Я же не всегда такой добрый. Могу и прихлопнуть, как муху.

Моя рука демонстративно легла на пистолет, который я загодя сунул за пояс. Юнец споткнулся, но не остановился. Упорный? Или тупой совсем? Я погрозил юнцу пальцем. Не балуй! Пантомима возымела действие, оборотень-недочка развел виновато руками, и толпа поглотила его, как болото камень.

– Развлекаешься? – раздался за спиной знакомый голос. Наконец-то. Я неспешно обернулся.

– С чего ты взял?

Троль усмехнулся. Корзина, полная снеди, без видимых усилий перекачивала с руки на руку, и троль спросил, не обращая внимания на суматоху у битой посуды:

– Пошли? Или ты еще не закончил?

– Да я и не начинал, – ответил я с видом оскорбленной

невинности. – Они первые сунулись. А ты быстро управился.

– Я долго не умею. Одну корзину – с деньгами – отдал, другую – со снедью – забрал.

Ловко.

Мы двинулись к выходу, Азар впереди, раздвигая толпу, я следом, в открывшемся фарватере. По пути краем уха услышал, как две кумушки эмоционально пересказывают третьей подробности схватки. Узнал много нового. Не есть хорошо: к вечеру история получит широкую огласку и наверняка дойдет до моих недругов. А уж они сумеют сложить два и два. Придется срочно менять дислокацию. Или диспозицию, не знаю, как вернее...

Магбиль смирно дождался нашего возвращения. На первый взгляд, все по-прежнему, но это меня и насторожило. Я не стал садиться, а бегло, но внимательно осмотрел салон на предмет неприятных сюрпризов: гремучая змея, пригревшаяся под сидением, в свете последних событий меня бы не удивила. К счастью, опасения оказались напрасными, все чисто. Видно, противник не рассчитывал, что я вернусь к магбилю. Что ж, и на старуху бывает проруха. Я глянул в сторону вражеского магбиля, одиноко стоящего на приколе. Ладно, раз они вредничать не стали, я тоже не буду. Коле-

са только пробью, чтобы следом ни увязались, и можно ехать.

Троль, сидя за рулем, с усмешкой следил за моими ухищрениями. Но от комментариев воздержался. Наконец я устроился на сидении, дорога зашуршала под колесами, уводя наш магбиль прочь из негостеприимного городка. Замелькали приземистые домики окраины, ветер приятно обдувает голову, унося прочь неприятные мысли. Троль, глядя на дорогу, замурлыкал под нос незамысловатую мелодию. Я пару раз оглянулся в ожидании погони, но ничего подозрительного так и не возникло. Похоже, на сегодня развлекательная программа окончена, поверженный противник отполз на старые позиции: зализывать раны и лелеять новые планы уничтожения опального сыскаря.

Покинув город, магбиль принялся бодро карабкаться в горы, к заоблачным далям. Пологие зеленые склоны сменились скалистыми обрывами, кристально-чистый воздух, напоенный снежной прохладой, закружил голову, словно глоток хорошего вина. Я проводил глазами орла, безмятежно парящего в небе. Вот он сложил крылья, и пернатая стрела устремилась к земле, к зазевавшейся добыче. Мысленно пожелав гордой птице доброй охоты, я вернулся с небес на землю. Меня давно мучает один вопрос, а сейчас, кажется, самое время его задать.

– Слушай, Азар. А почему ты знал о предстоящем падении гарпии, а я ни сном, ни духом?

Руки-лопаты даже руль бросили, так велико было удивление и разочарование тролля. Красноречивый взгляд ясно дал понять, как низко я пал в его глазах: на самое дно самой глубокой пропасти. Но так как я не провалился от стыда сквозь землю, Азар все-таки счел нужным объяснить:

– Ты не знал, – сказал он, и корявый палец веско ткнулся в небо, – потому что тебе не сказали!

Ага. А тебе, истукану каменному, значит, сказали.

– Объяснил? – на всякий случай поинтересовался я. Троль с непроницаемым видом кивнул, не отводя взгляда от дороги.

Ну и ладно. Так даже интереснее. Будем делать посмотреть...

3 глава

Замок Скорпио возвышается над холмистой местностью подобно кариозному зубу. Жители окрестных деревень с суеверным ужасом перешептывались, когда из трубы восточной башни курился черный дым, а на крыши и огороды опускался седой пепел. Старухи говорили, что в замке живет страшный чернокнижник, и это он виноват в том, что время от времени пропадают дети и девушки. Вот только доказать ничего не удалось, Белый Сыск калачом не заманишь в эту глушь. Да, собственно, никто и не пытался его вызвать. Все надеялись на «авось»

Скрипнула тяжелая дверь, Скорпио, изуродованный старостью и несчастным случаем маг, поднял голову. В кабинет бочком протиснулся оборотень, здоровенный детина, косматый и неопрятный. В черных глазах мелькнул страх. Чернокнижник брезгливо поморщился, но ничего не сказал, ожидая, что оборотень сам объяснит причину вторжения.

– Хозяин, у меня плохие новости, – сказал оборотень, опустив глаза.

– Какие? – спросил чернокнижник. Тихий безжизненный голос как нельзя больше подходит щуплой фигуре, закутан-

ной в серый бесформенный балахон. Оборотень с ужасом заметил, что рука мага, сплошь покрытая морщинами и пигментными пятнами, нервно застучала по столешнице. Верный признак, что хозяин не в духе и скор на расправу. Оборотень мысленно посетовал, что не выбрал более удачный момент для донесения о провале: скверные вести настроения хозяину не улучшат.

С другой стороны, промедления хозяин точно бы не простил, так что выбирать особо не из чего.

– Каларатра не справилась с заданием.

В жарко горящем камине громко щелкнуло сухое полено, оборотень вздрогнул, что не укрылось от пронизательных глаз мага-отступника.

– Что значит, не справилась? – тихо спросил он.

Черный вестник бросил взгляд на хозяина. Равнодушный тон нисколько не обманул его, оборотень прекрасно понял, что просто так унести ноги из жуткого кабинета не удастся.

Поэтому он снова уставился в пол и тихо, но четко доложил:

– Каларатра нашла убежище сыскаря. После заката отправилась туда, но мага увели буквально у неё из-под носа. Она пыталась настичь его, но пострадала от неизвестного оружия.

Легкая гримаса исказила похожее на сухофрукт лицо чернокнижника. Он так и знал, что от проклятого сыскаря будут одни неприятности.

– Насколько серьезно она пострадала? – переспросил Скорпио. Оборотень даже вздрогнул, таким холодом потянуло от чернокнижника.

– Насмерть.

Чернокнижник меланхолично кивнул, получив подтверждение худшим опасениям, и уставился на огонь, танцующий в камине. Потеря гарпии удручает, её сложно будет кем-то заменить. Но, оказалось, что это еще не все. Оборотень, борясь с желанием покинуть кабинет, пока не поздно, мялся у дверей.

– Что еще?

Оборотень судорожно сглотнул.

– Сыскаря увел из трактира тролль, слуга Мажеровского. Он же уничтожил гарпию.

– А куда твои охламоны смотрели? – тихо, даже ласково спросил Скорпио. – Чего ради я их кормлю?

– Они старались, – горячо заверил оборотень. – Они выследили, куда тролль повез сыскаря, и даже пытались завершить работу гарпии, как только сыскарь остался один. Но... В прямом бою этот гад оказался сильнее. Есть потери...

Чернокнижник с интересом глянул на подчиненного. Неужели он на полном серьезе считает, что мага особого назначения можно взять голыми руками? Вон как взмок, бедолага, пот крупными каплями струится по лбу. Боится. Это хорошо.

Вот только мало боится! Распустились, ничего толково сделать не могут, дармоеды!

– На то он и сыскарь, чтобы нечисть вроде тебя изничтожать. Ему за это жалование платят, – сказал маг и с каждым его словом оборотень съеживался, пытаясь стать маленьким и незаметным. Поняв, что еще немного и слуга окончательно потеряет голову от страха, Скорпио не смог отказать себе в маленьком удовольствии.

– Пошел вон, паршивая собака! – рявкнул он неожиданно. – Тебе не с магами воевать, а с дворовыми кошками!

Оборотень, втянув голову, рванул к дверям. Но нога зацепилась за ковер, и он растянулся во весь рост, головой сбив вазу с подставки. Не успела она разбиться, как чернокнижник гнусно ухмыльнулся, пальцы его левой руки замысловато прищелкнули под аккомпанемент короткого, как выстрел, заклинания и вслед незадачливому вестнику устремился огненный шар, шипящий и плюющийся искрами. Оборотень обречено взвыл, в воздухе ощутимо запахло паленой шерстью. Скорпио с чувством удовлетворения наблюдал, как страдалец заметался по кабинету, спасаясь от огненного преследователя. Хоть какое-то развлечение...

Наконец слуга прорвался к выходу, и дверь захлопнулась за его спиной, отсекая преследователя. Шар немного покругил по комнате, то тут, то там оставляя черные подпалины, пока с хлопком не исчез совсем.

– С кем ты работаешь, – скептически проскрипел череп, лежащий на стопке бумаги.

– Заткнись, – буркнул чернокнижник. Оборотень принес нерадостные вести, многое нужно обдумать.

Маг-отступник вздохнул. Как же это все не вовремя. Такие события грядут, а тут с каким-то сыскарем возиться приходится. С другой стороны, не понятно, с какой радости Мажеровский решил спасти этого неугомонного мага с репутацией неподкупного борца за справедливость. Что-то чудить последнее время бывший ученик начал, не к добру это. Впрочем, ему то что. Александр от дел отошел. Теперь Белый Сыск ему не страшен. Чего не скажешь о его бывшем учителе. Хорошо еще коллеги из столицы предупредили о возможном появлении опального мага-сыскаря в здешних краях. Попав в опалу, он может вцепиться мертвой хваткой в старого чернокнижника, лишь бы реабилитироваться в глазах начальства.

Жаль, очень жаль, что не удался номер с гарпией. Теперь придется вносить коррективы в планы. Коллеги предупредили, что сыскарь необычайно дотошен. Дай ему кончик веревки, и он не успокоится, пока не размотает весь клубок. А теперь, после неудачного покушения, он наверняка примется доискиваться до его причин.

Что же пришло в голову Мажеровскому? Зачем ему понадобился этот рано поседевший неудачник, на счету которого уже столько раскрытых заговоров и преступлений? Скорпио тяжело вздохнул. Как жаль, что после несчастного случая

бывший ученик совсем отбился от рук. Стал таким странным и непредсказуемым. К примеру, отказал старому учителю в сущем пустяке, ссылаясь на провалы в памяти. Да разве можно забыть творение всей жизни?

Как некстати случился тот злополучный взрыв. Если бы не он, Мажеровский остался бы здоров, его характер не пертерпел столь значительных изменений, а опыты по возвращению молодости, скорее всего, были бы уже закончены...

– Как я ненавижу старость, – простонал чернокнижник, с тоской разглядывая скрюченные подагрой пальцы. – Моя душа по-прежнему молода, но тело... Тело превратилось в темницу! Худшую из темниц... Как это несправедливо!

– Вот не думал, что у тебя есть душа, – тут же вклинился череп. – Я думал, ты уже давно избавился от этой безделицы.

– Заткнись, – устало сказал чернокнижник. Что за жизнь пошла? Пустая черепушка и та жизни учит.

За окном послышался шум, раздались громкие крики. Не желая дальше препираться с черепом, Скорпио тяжело поднялся из-за стола, его ноги, обутые в растоптанные тапки, зашаркали по ковру, вытертому во многих местах до дыр. Замок, подобно хозяину, стремительно ветшает, но маг-от-

ступник, одержимый идеей о вечной молодости, не обращал на это внимания.

Прихрамывая, он подошел к окну, тяжелая штора, надежно преграждавшая путь свету, поехала в сторону, открывая вид на внутренний двор. Скорпио оперся на подоконник, глаза, по которым резанул яркий свет, прищурились, но чернокнижник все же разглядел причину возникшего во дворе ажиотажа. Два огромных пса сцепились над обглоданной костью, не в силах поделить добычу. Во все стороны полетели ключья серой шерсти, засверкали оскаленные зубы, норовящие вцепиться в горло противника. Злобный рык, пыль столбом, брызги крови: все это мигом собрало толпу оборотней, охочих до кровавых зрелищ. Болезненно азартные оборотни тут же, забыв обо всем, принялись делать ставки и воплями подбадривать дерущихся.

Немного понаблюдав за схваткой псов, примерно равных по силе, маг разочарованно поморщился. Победит, конечно, не сильный, а умный. Тот, который первым догадается бросить кость, чтобы вцепиться в горло противника. Но такой развязки Скорпио так и не дождался. Разочарованный, он отвернулся от окна, поплотнее задернув штору.

– Дармоеды. Только бы развлекаться, – буркнул чернокнижник. Тяжелые мысли навалились роем. Жизнь оборот-

ней нельзя назвать легкой, но даже их жизнерадостность дико раздражает. Как они смеют быть такими отвратительно молодыми? Немощное тело лишило Скорпио всех радостей жизни, осталось одно жалкое удовольствие – внушать страх молодым и сильным. Поэтому, несмотря на строгий королевский запрет, Скорпио продолжает практиковать заклинания, требующие человеческой крови...

Маг вернулся за стол, скрюченная рука, униженная сверкающими перстнями, потянулась к стопке бумаг, лежащих на краю стола. Череп, играющий роль пресс-папье, отшатнулся от руки и покатился к краю стола. Докатившись до края, череп опасно забалансировал, проверяя реакцию хозяина. Чернокнижник заметил маневр пресс-папье и раздраженно бросил:

– Не смей.

Череп послушно вернулся на место. Временами можно позволить себе поиграть на нервах хозяина, но сегодня явно не стоит «дразнить гусей». Чревато...

Больше не обращая внимания на выделки пресс-папье, Скорпио придвинул стопку бумаг. Их давно пора разобрать, вот только руки все не доходят. Но дело не заладилось, нужные листки не желали находиться, а всякий мусор упорно

лезет в руки. Наконец маг не выдержал, и вся стопка взвилась в воздух, опав на пол подобно листопаду.

– Я не могу работать в таком состоянии, – забурчал маг, открывая ящик стола. На свет появилась плоская бутылка, в которой тяжело перекачивается темно-коричневая жидкость. Чернокнижник приложился к горлышку, острый кадык задержался, жидкость забулькала, выливаясь в горло мага. Отставив бутылку, Скорпио прислушался к ощущениям, но горькое разочарование отразилось на его лице. Напиток не оказал благостного действия. В сердцах сплюнул прямо в камин. В ответ жарко полыхнуло пламя, и удушливое облако дыма вырвалось из камина.

– Совсем очумел? – заорал череп.

– Чтоб тебя...!

Дождаться, пока рассеется дым, маг не стал. Тем более в голову неожиданно пришла занятая идея по поводу сыскаря. Правда, для её воплощения потребуются услуги одного знакомого вурдалака. О, у Скорпио масса полезных знакомств. Ведь никогда не знаешь, чья помощь может потребоваться в следующий момент. Привлечь вурдалака, конечно, риск, они народ неуправляемый, но у чернокнижника есть одна вещица, ради которой любой вурдалак даже среди

бела дня из гроба вылезет.

Длинный коридор привел старика к дверям спальни, такой же мрачной, как и кабинет хозяина. Следы дряхлости и изношенности здесь даже заметнее, чем в кабинете. Высокая кровать застелена потертым покрывалом, выцветший балдахин над кроватью провис, пыльные кисти обтрепаны. Но Скорпио не заметил всего этого, его внимание привлекло зеркало, которое смиренно стояло на тумбочке у кровати, поблескивая ртутной поверхностью.

– Придется потревожить Карачуна среди бела дня, – потирая руки, сказал чернокнижник. Скрюченный палец уверенно нарисовал на ртутной поверхности символ вызова, похожий на восьмерку, положенную на бок: символ луны, покровительницы ночных тварей.

Зеркало дрогнуло, ртутная поверхность помутнела, в глубине начали угадываться очертания завихрений и туманных спиралей. Туман не спешил смениться четкой картинкой, и, теряя терпение, чернокнижник потряс зеркало, словно это могло ускорить ответ. Наконец зеркало прояснилось, Скорпио увидел недовольную физиономию вурдалака на фоне открытого гроба. Белые острые клыки мелькнули в демонстративном зевке, но, когда Карачун увидел, кто его побеспокоил, недовольная гримаса мгновенно сменилась елейной

улыбкой.

– Ба, какие люди! – преувеличенно радостно, словно зять тещу, поприветствовал вурдалак чернокнижника. Скорпио не раз спасал Карачуна от осинового кола. Дальновидный маг предоставлял убежище начинающему неопытному вампиру, и Карачун остался благодарен спасителю, насколько может быть благодарен кровопийца, для которого люди не более чем законная добыча.

– Ты можешь сегодня после заката прилететь ко мне в замок? – сухо поинтересовался старый маг, опуская приветствия. Он прекрасно осведомлен о вероломной натуре вурдалаков в целом и Карачуна в частности: вампир, в принципе, может служить честно и верно, но только до тех пор, пока это будет выгодно ему самому.

Карачун мгновенно, шестым чувством, почувствовал возможность поживиться. Поэтому ответил с воодушевлением, словно спал и видел, что покровитель пригласит его к себе.

– Легко, – заверил вампир. – Только окно не закрывай, а то будет как в прошлый раз.

– Не закрою, – буркнул Скорпио. – И перекуси по дороге. У меня к тебе серьезное дело, работу предложить хочу,

а с тобой голодным разговаривать невозможно.

Ухмылка скользнула по бледному лицу вурдалака. Он прекрасно понимал, что чернокнижник спасал его не просто так, рано или поздно придется платить по счетам. Похоже, время подошло.

– Не волнуйся, буду вовремя. Хотя, раз уж я тебе понадобился, мог бы и угощение приготовить для бедного вампира. Мне же много не надо, стакана крови из вены нежной девственницы было бы достаточно, – вурдалак мечтательно закатил глаза. Скорпио нахмурился. Вампир позволяет себе запанибратский тон, нужно срочно поставить его на место, иначе не успеешь глазом моргнуть, как белоснежные клыки нащупают артерию на твоей шее.

– Перебьешься, – оборвал Скорпио гастрономические мечты вампира. – После заката сразу ко мне. Да смотри, в моих деревнях не шали, ищи добычу на стороне.

Физиономия вампира обиженно вытянулась.

– Обижаете...

Скорпио не стал дослушивать разглагольствования вурдалака, прямо на обиженной физиономии нарисовал символ

отбоя, и белоклыковая ухмылка растаяла в туманных завихрениях. Сквозь туман медленно проступила ртутная поверхность, отразившая задумчивое лицо чернокнижника. Старик, прекративший смотреться в зеркала с тех самых пор, как обнаружил первый седой волос в густой смолянисто-черной шевелюре, с раздражением бросил зеркало на кровать ртутной поверхностью вниз. Всё вокруг словно сговорилось, стремясь почаще напоминать о том, что время имеет над старым чернокнижником неограниченную власть.

Когда-то, в молодости, время было мелочью, недостойной внимания. Теперь же Скорпио дрожит над каждой секундой, словно скряга над золотом, но время безжалостно утекает, ускоряя бег. Ну, ничего, оно еще повернется вспять, повинаясь величайшему магу...

Что ж, пол дела сделано. Карачун не из тех, с кем приятно иметь дело, зато он мастер на всяческие каверзы. С тех пор, как приходилось укрывать Карачуна от разгневанных крестьян, потерявших за одну ночь всех девушек от двенадцати до шестнадцати лет, прошло много лет, вурдалак научился мастерски прятаться, а способы его охоты теперь поставят в тупик самого опытного сыскаря. Грех не воспользоваться его умением в сложившейся ситуации.

Примерно через час после заката, когда небо поменяло голубой шелк на темно-синий бархат с россыпью звезд, за окном послышалось хлопанье крыльев. Скорпио тяжело поднялся из-за стола, вспомнив, что, задумавшись, так и не открыл окно. Нужно поспешить, пока бесцеремонный вурдалак не высадил стекло.

Большая летучая мышь, размером с лисицу, влетела в гостеприимно распахнутое окно. Покружив под потолком, вурдалак, под укоризненным взглядом чернокнижника, рухнул вниз. Крылья плотно обхватили тело вампира, скрывая от посторонних глаз трансформацию. Через пару минут перед Скорпио раскланивался Карачун собственной персоной в человеческом (если не считать выпирающих клыков) облике. Бледное лицо обрамлено иссиня-черными волосами, темно-карие, почти черные глаза быстро окинули взглядом тщедушную фигуру мага. Тонкая ниточка усиков встопорщилась над ярко-красными губами, когда вурдалак поприветствовал покровителя.

– К вашим услугам.

– И как только тебя к себе жертвы подпускают? – хмыкнул Скорпио. – У тебя же на роже написано – кровопийца.

– Выкручиваюсь исключительно природным обаянием, – оскалился вурдалак. – Ни одна девица не устоит перед моими манерами.

Маг заметил на правой щеке вампира засохшую каплю крови. Значит, вурдалак внял просьбе и по дороге перекусил. Чернокнижник вернулся за стол, морщась от привычной боли в колене. Карачун, не дожидаясь особого приглашения, устроился в кресле напротив, подальше от жаркого камина.

– Ну, что на этот раз? – перешел к делу вурдалак, пытли-во вглядываясь в лицо мага. Скорпио покрутил шейей, словно она у него затекла, переложил пару листков с места на место. Вурдалак не стал его подгонять, ожидая, пока хозяин кабинета соберется с мыслями. Наконец старик откашлялся и сказал:

– Я хочу увидеть сыскаря...

Брови вурдалака взлетели вверх. Он ожидал чего угодно, но только не такого вступления.

– Зачем?!

Скорпио поморщился, недовольный тем, что его перебили. Но в кресле напротив сидит не тупой оборотень, на ко-

того можно безнаказанно наорать, поэтому чернокнижник сдержался и спокойно продолжил фразу:

– Ты не дослушал. Я хочу увидеть сыскаря в последний раз. Желательно, чтобы это случилось на его похоронах. Впрочем... – задумчиво протянул маг, глядя на огонь, – если он обойдется без этой формальности и просто бесследно сгинет, я тоже не расстроюсь.

Карачун ухмыльнулся, и следующий вопрос задал уже гораздо спокойнее:

– Вы желаете видеть похороны абстрактного сыскаря, или на примете кто-то конкретный есть?

– Стрельцов, – ответил маг, не вдаваясь в подробности. Но вурдалак даже присвистнул. Фамилия, что называется, на слуху. Маг особого назначения, успевший в свои неполные 35 полностью поседеть на своей работе. Уж сколько нечисти перевел этот самый Стрельцов, не перечсть.

– Того самого? А вам разве доводилось встречаться?

– Лично нет. Но дорогу мне он переходил неоднократно. А теперь в наших краях ошивается. Меня это раздражает. Не думаю, что сюда его привлекла моя скромная личность,

но подстраховаться не мешает. У меня осталось слишком мало времени, чтобы тратить его на пустые переживания по поводу залетного сыскаря. А так, нет сыскаря, нет переживаний.

Вурдалак поежился и невольно оглянулся, словно проверяя, не стоит ли злополучный маг-сыскарь за спиной.

– Видите ли, уважаемый, – заменжевался вампир, не желая связываться с опасным противником, – Боюсь, эта добыча мне не по зубам.

– Ты будешь не один, – успокоил маг вампира, правильно поняв его сомнения. – Я отдам под твое начало своих оборотней-отморозков. Пускай блох порастрясут, а то засиделись совсем. Ты будешь руководить операцией по уничтожению сыскаря. Опять же, Селена рвется в бой. Или она сыскаря утянет на дно, или он её упокоит на вечно. И так хорошо, и так не плохо.

– Верно, – кивнул Карачун, на ходу прикидывая, как чужими руками выгрести каштаны из огня. – Но хотелось бы уточнить еще один вопрос. Животрепещущий.

– О чем ты? – хмуро поинтересовался Скорпио, отлично понимая, к чему клонит алчный вурдалак.

– Ну, как же! Должен же я знать, что мне за это будет? Сами понимаете, я шкурой рискую, чтобы только доставить вам удовольствие полюбоваться на Стрельцова в последний раз. А скольких вурдалаков он изничтожил! Подумать страшно!

Скорпио протянул руку к небольшой шкатулке из осины, инкрустированной серебром. Вурдалак невольно отшатнулся, когда стараниями мага шкатулка оказалась практически у него под носом.

– Но-но! Что за шутки? – прошипел вурдалак, с отвращением глядя на ненавистный металл.

Скорпио довольно ухмыльнулся.

– Это для того, – сказал он, открывая шкатулку, – чтобы тебя в соблазн не вводить. Ещё захочешь раньше времени присвоить эту занятую вещицу.

Щелкнула потайная кнопочка, и вурдалак жадно уставился на амулет в виде закрытого глаза.

– Это то, что я думаю? – прошептал вурдалак, отказываясь верить собственным глазам.

– Оно самое, – кивнул чернокнижник, убедившись, что амулет произвел на вурдалака должное впечатление. – Как только выполнишь мое задание, так сразу получишь амулет. И сможешь безнаказанно гулять среди бела дня, солнечные лучи будут тебе не страшны.

– Это ж какие возможности для охоты! – восхитился вурдалак.

– Нравится? Тогда по рукам? – уточнил старик, захлопывая шкатулку под взглядом вурдалака, полным сожаления.

– По рукам! – заверил Карачун. Да за такой амулет он готов сразиться с самим Святозаром, начальником Белого Сыска, от одного взгляда которого, говорят, любая нечисть падает замертво.

«Что же задумал Мажеровский?» – тревожно подумал Скорпио, провожая взглядом силуэт летучей мыши, быстро исчезающий в сумраке. – «Для чего ему понадобился сыскарь?»

4 глава

Горы неожиданно расступились, словно невидимая рука распахнула занавес. В глаза сверкнул аквамарин моря, бликующий на солнце. В душе зародился восторг, я вытянул шею, чтобы рассмотреть это чудо, но очередной красно-коричневый склон закрыл морской пейзаж. Вздох сожаления вырвался из моей груди. Но оказалось, что расстроился я зря. Следующий поворот открыл панораму, полную аквамарина, небесной лазури и изумрудного кипения прибрежной зелени.

Дорога уверенно побежала вниз, перед нами открылся чудесный заливчик: прозрачная лагуна, отгороженная от океана песчаной косой. У берега дремало невероятное существо – дракон, превращенный силой магии в подобие корабля. Дракабль безмятежно спал, покачиваясь на волнах, крылья-паруса сложены, шипастая голова поникла, даже вопли чаек не мешают ему наслаждаться законным отдыхом. Пенный прибой облизывает основание небольшого маяка, от которого вверх, к замку, поднимается мраморная лестница. Ветер раскачивает деревья в тенистом парке, заполнившем ущелье океаном зелени, из которого островками торчат крыши хозпостроек. Над садом возвышается замок, похожий на жилище доброй феи из сказки. Розовые стены

увиты плющом, словно ковром, высокие башенки со шпилями, на которых вращаются золотые флюгера, протыкают небо, широко распахнутые окна-витражи, похожие на глаза, невозмутимо взирают на зеленое великолепие.

Вот уж не думал, что существуют оригиналы, готовые жить в игрушечном замке. Похоже, хозяин замка ни в чем себе, любимому, не отказывает. Содержание такого замка и дракабля обходится в круглую копеечку...

То ли действие вина, выпитого на рассвете, закончилось, то ли опять подключилось мое шестое чувство, предупреждая о возможной опасности, но настроение заметно испортилось. Даже красоты залива не исправили положения. Скорее наоборот.

А тут еще тролль влез с пояснениями:

– Ущелье Черного монаха.

– Мило, – буркнул я. Тролль окинул меня недоуменным взглядом. Причина, испортившая мне настроение, осталась для него загадкой. Ладно, посмотрим, чем дышат обитатели замка...

Магбиль, съехав вниз, остановился у ажурной решетки

ворот, закрывших единственный проход в высокой стене, перегородившей ущелье. На воротах я с удивлением увидел замысловатый вензель знакомой формы, и первая догадка о личности хозяина замка, столь неординарно пригласившего меня в гости, молнией сверкнула в голове. Назойливые вопросы стаей закружились в голове, но, так как ответы на них, скорее всего, будут получены в ближайшее время, я постарался успокоиться.

Троль неспешно выбрался из магбия и направился к воротам, на первый взгляд лишенным запора. Но я ошибся. Запор оказался надежным. Азар подошел к воротам, рука-лопата накрыла морду грифона, которую я наивно посчитал аляповатым украшением. Грифон задвигал глазами, грозный клюв щелкнул, но вреда троллю не причинил, только длинный язык мимолетно облизал руку. Видимо, страж признал своего. После этого незамысловатого ритуала ворота медленно и беззвучно распахнулись, пропуская магбиль.

– А если чужой к воротам подойдет, что будет? – словно невзначай полюбопытствовал я.

– Если кто-то чужой попытается проникнуть на территорию, из пасти грифона вырвется струя газа и все живое в районе двадцати метров уснет на двадцать четыре часа, – невозмутимо пояснил троль, нимало не озаботившись, что выда-

ет постороннему человеку секретную информацию. Потом бросил на меня хитрый взгляд и добавил, сверкая улыбкой: – Стена тоже снабжена ловушками. И далеко не все такие безобидные. Без дозволения хозяина здесь даже мышь не проскочит.

Ну что же, если я не ошибся относительно личности хозяина, он вполне в состоянии себе это позволить. Как, впрочем, и многое другое...

Магбиль проехал по усыпанной мелким песком дорожке и доставил нас к мраморной лестнице, ведущей к высоким резным дверям. Основание лестницы охраняют еще два грифона. На вид гранитные, но головами закрутили, как живые, стоило магбилю затормозить у лестницы.

Заглушив двигатель и вынув ключ-кристалл из гнезда на панели, тролль обернулся, ко мне потянулась рука-лопата.

– Пистолет отдай, – спокойно, без эмоций, словно время спросил, сказал он, глядя в глаза. Мое благодушное настроение, и так подпорченное видом замка, запертого в ущелье, окончательно испортилось.

– Слушай, горный человек! Достал ты меня своей настырностью! Сказал же – не отдам!

Азар пожал плечами и равнодушно ответил:

– Тогда ступай назад. Ногами. И больше я тебя спасать не буду. И апельсин на дорожку не почищу.

Вот зануда! Я выхватил пистолет из кобуры, обойма звякнула, упав мне на колени.

– На, подавись, шантажист. Но если хоть одна царапина...

Троль, ловко поймав пистолет, сунул его в бездонный карман штанов. И не дал досказать гневную тираду:

– Знаю, все знаю, что сказать хочешь. Не сотрясай воздух понапрасну.

Под настороженными взглядами грифонов я, вслед за троллем, поднялся по лестнице. Замок, показавшийся с высоты чуть ли не детской игрушкой, вблизи впечатлил, хотя я и постарался это скрыть. Попав внутрь, с интересом осмотрелся. Так вот как живут баловни судьбы. Цветная мозаика на полу перемигивается с фресками, изображающими на потолке голубое небо с мазками облаков и любопытными мордашками шkodных амуров. Стены одеты в дорогие шелковые обои, вдоль стен стоит резная мебель: мягкие сту-

лья на гнутых ножках, диваны, манящие упругостью сидений. Такой мебели я даже в королевском дворце не видел. Все сделано на заказ и, скорее всего, в штучном экземпляре. У каждого предмета обстановки свой колорит, своя изюминка, и в тоже время в целом все сливается в гармоничный ансамбль. Интересно взглянуть на человека, способного окружить себя такой обстановкой.

Сразу же почувствовалось присутствие в замке женщины. Я её еще не видел, но её рука чувствовалась в незначительных, но милых пустячках вроде фарфоровых статуэток на каминной полке. Да и обилие мастерски подобранных букетов во всевозможных вазах и вазонах говорят о том же. Мужчина таких деталей просто не замечает.

Троль в гостиной задерживаться не стал, и я невольно совершил небольшую, но познавательную экскурсию по замку. Чувство прекрасного нигде хозяина не подвело, вся обстановка без ложной вычурности говорит о жизнелюбии. Здесь отсутствует налет музейности, присущий многим особнякам, каждая вещь верно служит по мере возможностей.

Наконец путешествие подошло к концу. Миновав несколько длинных коридоров и череду комнат, троль остановился у тяжелой, украшенной затейливой резьбой, двери. Если я хоть что-то в этом понимаю, резьба несет не только

декоративный смысл, в глаза бросилась пара символов, явно сплетенных в охранный амулет.

Троль широко распахнул дверь, пропуская меня внутрь. Ничего не оставалось делать, как следовать приглашению.

За дверью, как я и предполагал, оказался кабинет. Бросилось в глаза обилие книг, расставленных на полках огромных шкафов. В углу у окна блеснул стеклом огромный аквариум с одинокой пучеглазой рыбиной, лениво помахивающей длинным шлейфом хвоста. У окна, распахнутого настежь и прикрытого прозрачной кисеей, стоит огромный стол, на полированной столешнице которого разместился малахитовый письменный прибор, какие-то бумаги и пресс-папье в виде летучей мыши, единственного предмета в кабинете, отдаленно напоминающего о роде занятий хозяина замка.

Сам хозяин сидит за столом в кресле с высокой спинкой, вечное перо в его руке проворно бегало, усеивая лист бумаги аккуратными буквами. Сложилось впечатление, что мое присутствие осталось незамеченным, поэтому я сдержанно кашлянул в кулак, ускоряя события.

Человек за столом вздрогнул, на меня глянули пронзительно-синие глаза, по лицу хозяина пробежала целая гам-

ма чувств: от полного недоумения до радостного узнавания. Слава Зиждителю, а то я уже решил, что тролль что-то перепутал, и хозяин сейчас испепелит меня на месте за грубое вторжение.

Человек поднялся из-за стола, дружеская улыбка осветила приятное лицо, сразу располагая к себе. Я пожал протянутую руку, ощутив крепкое рукопожатие, и хозяин кабинета церемонно представился:

– Александр Мажеровский, – но тут же, чуть смутившись, добавил: – Для друзей просто Саша.

Значит, кто является хозяином замка, я угадал правильно, увидев вензель на воротах. Лично встречаться не доводилось, но по долгу службы наслышаны, батенька, наслышаны...

– Разве у черных магов бывают друзья? – не без ехидства поинтересовался я, давая понять, что он для меня не является темной лошадкой. Мажеровский понимающе кивнул, по достоинству оценив мой такт, и пояснил:

– Видите ли, уважаемый Марк Юрьевич, с некоторых пор я отошел от дел. Особенно от дел, связанных с какой бы то ни было магией. Врачи, знаете ли, запретили, – добавил

он с виноватой улыбкой, словно прося прощения за врачей. – Но оказалось, что в этом есть свои плюсы. Стоило мне распрощаться с магией, как я обзавелся друзьями. Так что, теперь есть кому называть меня Сашей. Если этот вопрос утрясли, для обсуждения остальных предлагаю перейти в столовую. Думаю, скромный завтрак не помешает, ведь вы, как я понимаю, позавтракать не успели.

– И вы специально меня пригласили столь неординарным способом, дабы исправить эту чудовищную несправедливость, – с изрядной долей сарказма ответил я. Странное дело, обычно я сразу нахожу с людьми общий язык, но Мажеровский поставил меня в тупик, никак не могу взять верный тон.

Маг с пониманием отнесся к моей иронии и мягко вернул подачу:

– Но ведь очень вовремя пригласил, вы не находите?

– Что-то мне подсказывает, что кабы не острая необходимость в моих услугах, вы не стали бы проявлять столь трогательную заботу о моем здоровье.

– Скорее всего, – кивнул маг, не став кривить душой. И многозначительно добавил: – Считайте это авансом.

Стрельцов, ты влип. Такая откровенность ко многому обязывает. Ох, не зря моё шестое чувство взвыло сиреной, стоило мне увидеть это проклятое ущелье.

– Может, для начала аперитив? – поинтересовался маг, подходя к небольшому столику, уставленному разнокалиберными бутылками, маняще сверкающими разноцветным нутром.

– Охотно, – не стал я капризничать, откровенно разглядывая хозяина кабинета. Если честно, представлял его себе немного по-другому. Видно, сработал стереотип. Раз человек занимается магией, особенно черной, то и выглядеть должен соответственно.

Что обычно рисует ваше воображение при словах: черный маг? Седая борода до пояса, насупленные брови, нависающие над черными провалами глаз, суровый взгляд без тени сострадания... Ну и прочая лабуда, которой с большим успехом пользуются шарлатаны, чтобы произвести впечатление на доверчивую публику.

Я же увидел человека с ясным приветливым лицом, которое часто освещает дружелюбная улыбка. Даже небольшой шрам, изломавший правую бровь, не испортил аристокра-

тичные черты, достойные монетной чеканки. Средний рост мага с лихвой компенсируется хорошей осанкой, каждое его движение полно достоинства и спокойствия.

Такие люди даже спотыкаются не смешно. Человеку с такой внешностью самое место при дворе, а не в лаборатории чернокнижника, но, видно судьба в свое время распорядилась иначе. К счастью, даже черная магия, имеющая свойство уродовать человека не только морально, ничего не смогла поделаться с аристократизмом, вошедшим в кровь и плоть. Да и моральные устои этого человека, пусть несколько своеобразные, остались на высоте. Насколько я знаю, он по-прежнему верен принципам Чести и Совести. Правда, последнее заключение я сделал не на основе внешних данных, а из тех сведений, которые доходили до меня раньше.

После аперитива мы перешли в столовую, выдержанную в голубых тонах. Огромный стол, занимающий основное пространство большой комнаты, сервирован на двоих, хотя вполне способен вместить человек двадцать и никому не будет тесно. Солнечные зайчики, ворвавшись в распахнутое окно, устроили чехарду на хрустальных подвесках огромной люстры, каскадами свисающей с потолка, богато украшенного лепниной. И снова обилие живых цветов, составленных в изящные букеты. Атмосфера напоена незримым присутствием женщины.

Но меня это не касается.

Стены украшают несколько акварелей. Насыщенные солнцем пейзажи невольно привлекли мое внимание. Я не очень разбираюсь в живописи, но эти работы пронизаны таким светлым чувством, что непроизвольно начинаешь сопереживать автору. А вот над огромным камином висят картины другого характера: два парадных портрета в тяжелых резных рамах, щедро покрытых позолотой. На одном из них изображен статный мужчина в бархатном старомодном одеянии, при шпаге и шпорах, с орденской лентой через плечо. Другой портрет запечатлел женщину в тяжелом бордовом платье с жемчужным ожерельем на лилейной шейке. Тонкие черты лица неприступно-суровы, только в глубине пронзительно-синих, как у хозяина замка, глаз таится льдинка тревоги.

Портреты произвели очень сильное впечатление, художнику удалось вдохнуть жизнь в свои произведения. На мгновение показалось, что суровый взгляд мужчины неотступно следит за каждым моим движением. Ощущение не из приятных. Я отвел взгляд от загадочных портретов, но это не помогло, взгляды с картин продолжают сверлить затылок. Мажеровский, заметив мой интерес, счел нужным дать пояснения:

– Это мои родители. Граф фон Мажеровский и графиня фон Виктория Шлезвиг – Аугустенбургская.

Значит, я не ошибся, предположив наличие немалой толики голубой крови в жилах бывшего мага. Порода...

Азар, разлив сверкнувшее рубином вино в высокие бокалы, проверил, все ли в порядке на столе и бесшумно, точно он не тролль, а привидение, исчез, оставив нас наедине. Мажеровский поднял бокал, задумчиво покрутил его, любуясь игрой света, наконец, посмотрел мне в глаза и сказал:

– За знакомство, думаю, пить не будем? Как говорится, взаимно наслышаны...

Возразить сложно...

– ... Поэтому предлагаю сразу выпить за встречу!

Ну что же, не плохой тост. Тем более вино оказалось просто превосходным, чуть терпковатым, с легким привкусом мореного дуба.

– Попробуйте жаркое, – порекомендовал Мажеровский, но сам ограничился чисто символическим кусочком. А я так

и не понял, он искренен или просто старательно играет роль хлебосольного хозяина? Какая-то натянутость сохранилась, несмотря на все его старания. Хотя чему тут удивляться? Не каждый день увидишь за одним столом мага из особого отдела Белого Сыска и чернокнижника, пусть даже отошедшего от дел.

– Азар готовит просто божественно, – продолжил маг нахваливать жаркое. Я попробовал. Вкусно, спору нет, хотя на королевскую кухню местного повара, думаю, не пригласили бы. Уж больно много специй, язык сразу загорелся, пришлось тушить пожар во рту хорошим глотком вина. А может, в полной мере оценить вкус жаркого мне не позволило пресловутое шестое чувство? Неясная тревога холодной змеёй вползла в душу, не давая сердцу биться ровно и спокойно. Что-то не так в этом «сказочном» замке. Чтобы поскорее внести ясность в собственное положение, я решил форсировать события.

– Все это мило, спору нет, но нельзя ли ближе к делу? Я, знаете ли, спешу.

Мажеровский окинул меня пытливым взглядом.

– Ну что ж, раз вы так ставите вопрос, – вздохнул он, словно предстоящий разговор ему самому не приятен. – Раз вы

настаиваете... Но, для нашего лучшего взаимопонимания, ознакомьтесь, для начала, вот с этим.

Взяв со своего края аккуратную папку, он передал её мне. В папке обнаружили несколько листов бумаги со знакомым вензелем в верхнем углу, исписанных мелким убористым подчерком. Вчитавшись, я хмыкнул. Надо же, краткая, но емкая биография Стрельцова: «Возраст 35 лет. Рост... выше среднего, вес... в пределах нормы, волосы седые, глаза серые, при эмоциональном всплеске зеленеют...»

И когда успели разглядеть? Я думал, эта особенность известна только одной моей хорошей знакомой, ведьме, любительнице заглядывать мне в глаза с близкого расстояния.

«...Магический дар активирован. Особые приметы: шрам под правой лопаткой в виде крыла бабочки, шрам на правой голени. Образование: мореходная школа, штурман. Служил в королевском флоте, комиссован после контузии...№»

Ну это многим известно. Славные были времена, гоняли флибустьеров во славу короля и королевы.

«...После службы на флоте направлен в Белый Сыск. Участвовал в операции по уничтожению Улиссского вервольфа, присутствовал при задержании Танзиманской девы-кро-

вопийцы, уничтожил...»

Пробежал глазами подробный список моих деяний, каждое из которых будит в душе воспоминание. Не всегда приятное. Например, в случае с девой-кровопийцей, только ревность одной знакомой спасла мне жизнь. Если бы не она, вместо того чтобы обезвредить нечисть, я стал бы очередной жертвой. Да и другие дела не всегда однозначны на весах бытия. В свое оправдание могу сказать только одно: я всегда следовал зову сердца.

Возвращая папку, я в упор посмотрел на мага. Возможно, он оценивает мои деяния по своей, отличной от общепринятой, шкале.

– Это упрек?

Сверкнула белозубая улыбка, но глаза остались серьезными.

– Ну что вы. Констатация фактов, не более. И легкое недоумение, если честно.

– Чем же оно вызвано?

– Не могу понять, почему вы до сих пор живы, – откры-

венно пояснил маг.

– Хобби у меня такое, оставаться живым, чтобы ни случилось.

– Похвально. Но, тем не менее, у моих..., – маг замаялся, подбирая термин поделикатнее, – ...у моих, скажем так, коллег накопилось много претензий к вам. Особенно в последнее время..., – маг многозначительно посмотрел, следя за моей реакцией. – И счета вам выставляются крупные. Вы, Стрельцов, перешли дорогу очень могущественным людям.

Есть у меня такой недостаток. Добиваюсь справедливости, невзирая на лица. Многим это не нравится.

– А вам то что? Наши дороги, если мне не изменяет склероз, не пересекались.

– Ваша правда. Не пересекались. Но дело в том..., – Мажеровский замаялся, но продолжил: – ...что мне нужна помощь человека, похожего на вас. И если наше сотрудничество будет плодотворным, оплату большинства счетов, выставленных вам, Марк Юрьевич, я возьму на себя. Я, знаете ли, в определенных кругах все еще пользуюсь влиянием, к моим словам предпочитают прислушиваться.

– И в чем должна заключаться моя помощь? – осторожно спросил я. Мне много кого приходилось выручать из педраг. Однажды один знакомый, зная о моей феноменальной способности выкручиваться из любой ситуации, вызвал среди ночи, чтобы я разыграл перед его женой любовника девицы, которую этот знакомый с дуру приволок домой. Получилось, как в пошлом анекдоте: девица в постели, а тут жена неожиданно вернулась. И этот придурок не придумал ничего лучше, как сказать, что эта девушка – моя. Будто мы встречались у него дома, я ушел, а она задержалась.

Выкрутиться ему я помог, конечно, но знакомство с тех пор не поддерживал. Противно.

Но черный маг, пусть даже бывший, обращается ко мне за помощью впервые. С черными магами я в основном по разные стороны баррикады. Они нарушают закон и скрываются, я закон охраняю и ловлю их для привлечения к ответственности.

– То, что я отошел от дел, мы уже выяснили...

Я кивнул. Действительно, шла об этом речь.

– Дело в том, что я серьезно пострадал во время одного из экспериментов. Целители изрядно потрудились надо

мною, но, в конце концов, развели руками и сообщили, что моя жизнь стремительно катится к закату, причем любое, самое простенькое, заклинание его приближает. Взвесив все, я принял решение удалиться от мира и спокойно дожить причитающиеся мне дни здесь, в родовом замке, в обществе радующих глаз вещей и дорогих сердцу людей, предаваясь, так сказать, маленьким радостям, которых в силу обстоятельств, я был лишен. Так я и сделал, все шло прекрасно до поры до времени. Но с некоторых пор я ощущаю стороннее внимание. Причем, скорее враждебное, чем наоборот, – маг нахмурился, явно припомнив какие-то детали. У меня звякнула вилка, но маг этого даже не заметил. Наконец он очнулся от размышлений.

– Меня это раздражает, – продолжил он, отпив вина.

Интересно, у кого хватает наглости досаждать черному магу, пусть даже и удалившемуся на покой?

– А конкретнее можно? – спросил я с легкой заинтересованностью. Но маг только руками развел.

– В том то и дело, что ничего конкретного. Так, невнятные ощущения, смутные подозрения. К примеру, стало неприятно подходить к окну вечером, когда в комнате горит свет, – он всплеснул руками. – Да может, и вовсе нет ничего. Мо-

жет, оно еще только замысливается. Но мне уже мешает, – маг замолчал на полуслове, словно прикидывая, стоит ли говорить дальше. Высокий лоб прорезали глубокие морщины, в голубых глазах мелькнула тень тревоги, словно птица-рок солнце закрыла. Наконец решился: – И еще. Я несколько раз видел приведение. Старца в монашеском одеянии. Я к таким вещам не очень чувствителен, а вот Азар всполошился, даже настаивал, чтобы мы покинули замок. Но не могу же я позволить выжить себя из родового замка какому-то привидению. Тем более ведет оно себя корректно, – Мажеровский пожал плечами, подчеркивая абсурдность предложения Азара. – Вы можете расспросить тролля, Азар с удовольствием перескажет эту легенду о Черном монахе, якобы когда-то жившем в этом ущелье.

– Если честно, я все еще не понимаю, при чем тут я? Если вам мешает приведение, обратитесь в ближайший храм, служители веры в два счета упокоят неприкаянную душу...

– Нет-нет, вы не так меня поняли. Привидение мне как раз не мешает. Скорее наоборот, оно пару раз предупреждало о возможных неприятностях. Мне мешает кто-то живой. Вот для борьбы с ним вы, Марк, мне, собственно, и нужны. Вы человек с большим опытом, умеете творчески подойти к любой проблеме и найти неординарное решение. Именно такой человек мне и нужен...

Не понравилось мне все это.

Не понравилась нездоровая бледность хозяина, не понравилось, что он практически не прикоснулся к еде. Не понравился замок, запертый самой природой в ущелье, словно в ловушке. Одно неверное движение и мышеловка захлопнется, погребая под собой всех жителей замка. И Стрельцова заодно. Оно мне надо?

Особо не раздумывая, я выложил эти соображения Мажеровскому. Он внимательно, не перебивая, выслушал, потом жестом пригласил пересесть ближе к камину, чернеющему холодным нутром. У камина мы расположились в удобных креслах у невысокого столика, накрытого кружевной скатертью. На столе стояли напитки и серебряная пепельница в виде ракушки. Рядом с ракушкой я заметил одинокий листок. Его то и подал мне Мажеровский со словами:

– Не спешите с ответом. Может быть, вот это поможет вам в принятии решения.

Но особой уверенности в голосе мага я не заметил. Лист оказался стандартным договором о найме работника на сезонную работу. Нестандартной оказалась только сумма предполагаемого вознаграждения, да еще конкретные обязанно-

сти не прописаны, только пустые графы оставлены.

– Что это? – хмуро поинтересовался я, пересчитав нули, похожие на связку баранок.

– Поймите меня правильно, – пожал плечами Мажеровский. – Я не только о собственной безопасности тревожусь. А денег у меня более чем достаточно, так что ваши услуги будут достойно оплачены.

– Профессиональные издержки в виде похорон тоже оплатите? – не преминул я подпустить шпильку. Но маг шутки не поддержал, наоборот, с самой серьезной миной заверил:

– Разумеется. Все будет по высшему разряду.

Утешил.

– Ну, а хоть какие-то предположения относительно источника вашего дискомфорта у вас есть? – спросил я, откладывая листок в сторону.

Мой собеседник ответил не сразу. Задумчиво протянул руку, взял со стола шкатулку, украшенную вездесущим вензелем. Крышка, щелкнув, откинулась, я увидел трубку с изогнутым мундштуком, лежащую в специальной выемке

на черном атласе. Мажеровский неспешно, продолжая обдумывать мой вопрос, набил трубку и к потолку, постепенно рассеиваясь, полетели кольца дыма.

Наконец бывший маг, очнувшись от размышлений, неуверенно сказал:

– Вы же понимаете, мой прошлый образ жизни предполагал много конфликтных ситуаций. И враги, разумеется, были... Но, уходя на покой, я постарался рассчитаться по всем счетам, – маг замолчал, провожая взглядом кольцо дыма. – Короче говоря, я считаю, что никому ничего не должен. Вот только... Похоже, мой бывший учитель, Скорпио, считает иначе.

– Скорпио? – присвистнул я, услышав кличку, давно заменившую имя одному из самых жестоких черных магов, известных мне. Его грязные махинации часто попадали в поле зрения Белого сыска, но несовершенство системы каждый раз позволяло улизнуть скользкому, словно налим, черно-книжнику от правосудия.

– И на основании чего вы пришли к такому выводу?

– От него приходил гонец, один из его тупоголовых оборотней. Требовал какой-то кристалл. Я, если честно, так

и не понял, что учитель имел в виду. Никаких кристаллов я у него не брал.

– И что вы сделали с гонцом? – сухо поинтересовался я. Маг пожал плечами, вытряхивая трубку в камин.

– Да ничего. Когда он, перейдя все границы, начал мне угрожать, я велел Азару выбросить гонца за ворота. Что Азар без труда и проделал.

Мило. Вместо того, чтобы толком разобраться в возникшей проблеме, мы выбрасываем парламентаря за ворота, а потом жалуемся на возникший дискомфорт. Как у этих черных магов все сложно...

– Потом были еще требования?

– Нет. Я вскоре вообще забыл об этом инциденте. Голова, знаете ли, другим занята.

– Зато пришло ощущение дискомфорта, я правильно понял?

Мажеровский удивленно приподнял изломанную шрамом бровь.

– А ведь вы правы. Я как-то не связал эти два события.

Ну что ты будешь с ним делать. Как ребенок. Но ввязываться в это грязное дело у меня нет ни малейшего желания, со своими проблемами разобраться бы.

– Боюсь, все же, вы обратились не по адресу, – попытался я поделикатнее сформулировать отказ. – На данный момент я отстранен от дел, а в одиночку вести расследование, да еще при таком главном подозреваемом я не могу. Скорпио уделает меня, как Зиждитель мантикору. Обратитесь в официальные органы, думаю, там смогут призвать к порядку досаждающего вам человека.

– Вы действительно так считаете? – с горькой усмешкой поинтересовался маг, глядя мне в глаза. И я отвел взгляд. Конечно, я так не считаю. Официальные органы по борьбе с незаконным применением магии не возьмутся за дело при такой расплывчатой формулировке: смутные подозрения, неясные ощущения. Требуются железные доказательства вины, только после этого человека возьмут в оборот. Время бесконтрольной охоты на ведьм прошло.

– Ну, если у вас есть факты...

– Вот именно, факты. А у меня пока только догадки, –

сказал Мажеровский, грустно глядя на меня. – Значит, это ваше последнее слово? Вы отказываетесь?

Я развел руками, расписываясь в несостоятельности. За кого он меня принимает?

Острая тоска мелькнула в глазах сидящего напротив мужчины. Он тяжело, словно груз прожитых лет камнем лег на плечи, поднялся и подошел к окну. Легкий порыв ветра ворвался в комнату, прозрачный занавес вздулся пузырем, открывая вид на беседку, увитую розами. Я вытянул шею, заглядывая в беседку, и увидел девушку, похожую на ангела. Задумчиво склонив голову, она смотрела в морскую даль, рядом с ней, на лавочке, стоит нетронутый бокал вина, в руке – позабытая книга. Белокурые волосы обрамляют лицо, едва тронутое румянцем, ниспадающие складки нежно-голубого платья обрисовали стройную, как кипарис, фигурку. Весь облик девушки был полон такой нежности и беззащитности, что в глубине моей черствой души мгновенно проснулся Белый рыцарь, готовый по первому зову броситься на огнедышащего дракона ради спасения прекрасной незнакомки...

Я бросил взгляд на Мажеровского, застывшего у окна и невольно вздрогнул: на лице мага появилось выражение такого отчаяния, словно он не прекрасной девушкой любит, а

а стоит у её смертного одра.

– Хорошо, – услышал я собственный голос. – Я попробую разобраться. Но ничего не обещаю.

У меня же сердце не камень. Не могу я отплатить черной неблагодарностью и бросить людей в беде. Опять же, возможность прихватить Скорпио на горячем чего-то да стоит. Нужно же как-то реабилитироваться в глазах шефа.

– Я знал, что не ошибся в вас, – расцвел улыбкой Мажеровский.

– Только пусть тролль вернет оружие, – буркнул я, стараюсь не прислушиваться к внутреннему голосу, который ехидно бурчит, что Стрельцов в очередной раз вляпался по самое не балуйся. Это я и без него знаю. Лучше бы подсказал, как выкрутиться.

– Разумеется, – поспешил заверить меня Мажеровский, демонстрируя полную готовность к сотрудничеству. И тут же нетерпеливо спросил, поглядывая на беседку: – Что-то еще?

– Есть еще пара условий, – хмуро ответил я, разглядывая договор. – Если я узнаю, что вы нарушаете закон, договор мгновенно теряет силу...

Маг отмахнулся от условия, как от детали, не имеющей значения, но я, несмотря на его явное нетерпение, продолжил: – Все мои распоряжения должны выполняться быстро и без глупых вопросов.

– Естественно, – пожал плечами маг. – Вы профессионал, вам и карты в руки. Все?

Вот человек! Сам все затеял, а теперь смотрит на меня так, будто я нарочно время тяну, пустяками его от важных дел отвлекаю.

И зачем мне это надо?

5 глава

Покинув кабинет своего неожиданного нанимателя, я обнаружил тролля, поджидающего меня за дверью с невозмутимостью хорошо вышколенного дворецкого. Его стараниями быстро оказался в комнате для гостей. Здесь, на кровати, меня уже поджидала сумка, которая, помнится, оставалась на заднем сидении магбиля. Я хмыкнул. Получается, бывший маг был заранее уверен в успехе переговоров, раз загодя распорядился приготовить комнату и перенести в неё вещи.

По пути тролль безропотно вернул пистолет, я демонстративно покрутил его на предмет свежих царапин. Азар только хмыкнул, наблюдая за моими усилиями. Ладно, хорошо смеется тот, кто смеется вовремя...

Комната мне понравилась. В меру просторная, светлая, огромное окно с видом на море. Под окном дуб в два обхвата, толстая ветка, увешанная зелеными желудями, тянется к самому подоконнику. Оценив положение и толщину ветки, я одобрительно кивнул: то, что надо.

– Нарекаю тебя черным ходом, – буркнул я, задумчиво посмотрев вниз.

Обзор, правда, плоховат. Виден только кусок песчаного пляжа, на который неустанно накатываются волны, бегущие из-за горизонта. Шум прибоя... Он мог бы действовать умиротворяюще, если бы его не заглушали вопли жирных чаек, стая которых бесконечной каруселью носится над волнами.

Я полной грудью вдохнул пахнувший морем воздух. В морской дали замелькали черточки. Дельфины играют. Красота, кто понимает!

Но я-то здесь не для того, чтобы красотами любоваться. Для начала устроим небольшую перестановку мебели...

Глянув на громадную кровать, стоящую в центре комнаты, я всерьез задумался, а не свистнуть ли на помощь тролля, но потом отказался от этой идеи и самостоятельно передвинул монументальное ложе ближе к окну. Так, на всякий пожарный. Распихал нехитрые пожитки по ящикам комода, проверил, как открывается-закрывается дверь. Послышался легкий скрип. Непорядок. Но пара капель ружейного масла легко устранила источник дискомфорта. Вот теперь хорошо.

Управившись с обустройством комнаты, я решил пройтись по поднадзорной территории, принять, так сказать, под охрану по описи...

Мне не понравилось. Совершенно.

Нет, красиво кругом, спасу нет! Сам бы тут пожить не отказался. Когда на пенсию выйду. Но охранять этот замок врагу не пожелаешь. С одной стороны красные скалы обрываются неприступными террасами, сбегаящими к морю. Но эта сторона особых опасений не вызывает, если не считать подозрительных зарослей плюща, покрывшего скалы зелеными латками. Зато другой склон, пологий и сплошь заросший лесом, с ходу внушил самые серьезные опасения. Оттуда наблюдать за обитателями замка одно удовольствие, даже несколько: на травке, в тенечке, опять же фрукты-ягоды, на которые местные леса необычайно щедры, всегда под рукой. Так что наблюдай, не хочу. Хоть днем, хоть ночью. Впрочем, насчет ночи я, пожалуй, загнул, не секретный же объект, в конце концов. Хотя... Смотря с какой целью ведется наблюдение. Хозяева наверняка развлекаются купанием при луне, шашлычками на свежем воздухе. В общем, глаз да глаз за ними нужен.

Любуясь окрестностями, я добрел до конюшни. Для порядка заглянул внутрь. Два красавца вороных уставились на меня черными, как маслины, глазами, вопросительно пофыркивая. Судя по лоснящимся шкурам, живется им не плохо. По стенам развешана богатая упряжь, отороченные серебром седла, шитые золотом попоны, каждая из которых

стоит столько, что, продав её, можно прокормить целую деревню в суровую зиму. Но, как говорится, богат не тот, у кого много денег, а тот, кому хватает.

Одно седло, особенно богато изукрашенное – дамское. Значит, спутница Мажеровского не чурается верховых прогулок. Надеюсь, не в гордом одиночестве, иначе придется эти прогулки ненавязчиво отменить. Да и вообще, через девушку проще всего воздействовать на хозяина замка, так что самым разумным было бы отправить её от греха подальше. Если я все правильно понял, именно её безопасность и беспокоит бывшего мага в первую очередь. Нужно будет обсудить этот вопрос.

Завершив обход, я вернулся к грифонам, уже прекратившим оживать при моем появлении. Значит, местная охранная система уже зачислила меня в «свои». Кстати, нужно будет повдумчивей ознакомиться с этой охраной, вдруг пригодится.

Остановившись наверху лестницы, я окинул взором ущелье. Вывод из увиденного получился неутешительный. Только сумасшедший возьмется охранять этот дурацкий замок, запертый в ущелье, словно в мышеловке. Придется искать те самые «неординарные» решения, на которые так надеется Мажеровский. Но пусть меня съест хвостатый краб, если эти

решения придутся хозяину замка по вкусу.

В первую очередь нужно разговорить тролля. Думаю, мало кто знает все закоулки лучше него. Да и легенда о монахе-привидении меня заинтриговала...

Вернулся в замок, в гостиной меня встретили Мажеровский и девушка из беседки. Вблизи незнакомка показалась прекрасной, как богиня, аж дыхание перехватило. Быстро напомнив себе, что чужие женщины меня не интересуют, я склонил голову в знак приветствия.

Мажеровский с видом прожженного заговорщика принялся подмигивать, одновременно представляя мою скромную персону.

– Дорогая, позволь представить тебе моего старого друга...

– Друг детства, можно сказать, – с улыбкой помог я ему.

– Да-да! Детства! – радостно подхватил маг, нисколько ни смутившись разницей в возрасте. Да я под стол пешком ходил, когда он уже всю ворожил. К счастью, девушка на это несоответствие внимания не обратила.

– Эллина, волею судеб хозяйка этого замка, – представилась она, приседая в церемонном реверансе.

– Марк Юрьевич Стрельцов, – сказал я, шаркнув ножкой в лучших традициях двора. – Для вас просто Марк. Всегда к вашим услугам.

Открытая искренняя улыбка осветила нежное лицо, но я успел заметить, как тень тревоги мелькнула в жемчужно-серых глазах.

– Марк немного поживет у нас. Ты не против? – поспешил уточнить Мажеровский, с беспокойством вглядываясь в лицо девушки. Держу пари на крабий хвост, что, если бы на личико Эллины набежала хотя бы тень неудовольствия, некий Стрельцов и пикнуть бы не успел, как оказался бы за воротами. Но обошлось. Девушка благосклонно улыбнулась и сказала:

– Я очень рада. Гости у нас бывают редко, а Саша в последнее время как-то загрустил. Видимо, мое скромное общество утомило его изысканный вкус.

Как любая красивая женщина, Эллина прекрасно осознаёт силу женственности и не упускает возможности получить очередной комплимент. Вот и теперь Александр поспешил

обнять девушку и мягко пожурил:

– Зачем ты так говоришь? Ты единственная властительница моих мыслей. Я живу только ради тебя.

Легкая тень смущения легла на лицо Эллины, сильнее разгорелся румянец. Ясный взор, полный обожания, стал ответом на упрек. Даже мне, абсолютно постороннему человеку сразу видно стало, какие сильные чувства обуревают влюбленными. Сам воздух вокруг них пропитан непередаваемой нежностью, целая буря эмоций всколыхнулась на дне синих и жемчужно-серых глаз. Мне даже стало неловко оттого, что пришлось такую любовь осквернить вынужденной ложью на счет «друга детства».

Я понимаю, Мажеровский пытается оградить любимую от малейших поводов для переживаний. Может, он и прав. Но только мне кажется, такие отношения нужно строить на взаимном доверии. Любящее сердце все равно подскажет девушке, что у любимого проблемы.

Кашель выдал моё смущение, поэтому я поспешил откланяться и сказал внезапно охрипшим голосом:

– Если не возражаете, я пойду на пляж. Хочу искупаться.

– Ну, разумеется, – сказал маг, отвлекаясь от созерцания любимой. А Эллина, засмеявшись, предупредила:

– Увидите Буревеста, не пугайтесь, он абсолютно ручной.

– Кто такой Буревест? – осторожно поинтересовался я. Мне казалось, что меня познакомили со всеми жителями замка.

В глазах Мажеровского запрыгали веселые искорки, и он пояснил:

– Вообще-то это боевой дракон. Я специально приобрел его в свое время для охраны акватории. Вот только благодаря заботам Эллины, он совершенно растерял агрессивность, теперь он больше похож на игривого котёнка.

Спасибо, хоть предупредили. Хорошо бы я выглядел, удирая во все лопатки от дракона, которому вздумалось поиграть со мной в кошки-мышки. Ну и блажь приходит в головы черных магов и их подружек. Это ж надо, дракона приручить! Хотя... При их жизни, полной зависти и интриг, проще с драконом подружиться, чем найти теплый отклик в душе коллег-чернокнижников. Люди их круга чем-то напоминают скорпионов в банке: только успевай поворачиваться, если не хочешь, чтобы тебя сожрали.

Я уже открыл дверь, когда меня окликнул Александр:

– Марк, как искупаешься, зайди в кабинет. Кое-что обсудим.

Я кивнул. А по лицу Эллины вновь пробежала мимолетная тень беспокойства, которая, впрочем, тут же скрылась за милой улыбкой. Видно, несмотря на все ухищрения Мажеровского, девушка все же догадывается, что не все спокойно под сводами замка.

Солнце клонилось к закату, когда я вошел в кабинет. Дверь мягко захлопнулась за спиной, тихий щелчок замка заставил вздрогнуть хозяина замка.

– Это вы, Марк Юрьевич? – спросил он, отрываясь от созерцания аквариума. – Проходите, – он жестом предложил мне кресло напротив, подождал, пока я устроюсь, возьму бокал вина, потом откашлялся и суховаато предложил:

– Раз уж вы всерьез решили взяться за дело, давайте уладим формальности.

Передо мной опять появился лист договора, правда в графе «работник» уже значилась моя фамилия.

– Кровью подписать, что ли? – хмуро пошутил я, вчитываясь в строчки, которые наемдни лишь вскользь пробежал, не вдаваясь в подробности. Что ж, условия договора вполне приемлемы.

– Ну что вы, к чему такие крайности? – улыбнулся бывший чернокнижник. – Я же не душу вашу покупаю...

Откуда-то послышалась тихая, немного печальная мелодия, гармонично слившаяся с шумом прибоя. Мажеровский замер на полуслове, вслушиваясь, счастливая улыбка скользнула по его губам. На миг показалось, что чародей забыл обо всем на свете, улетев на крыльях тихой мелодии в страну грез, но тут под самым окном пронзительно закричала наглая чайка, разрушив чары. Александр едва заметно вздрогнул, возвращаясь с небес на землю, и немного смутившись, сказал:

– Извините. На чем мы остановились?

– На моей душе, – подсказал я.

– Ах, да. Душу вашу я не покупаю, поэтому крайности с кровью ни к чему. Вот вам вечное перо и, если вас устраивает контракт, ставьте автограф.

Заметив, что я не спешу с росчерком, маг счел необходимым прокомментировать сухой язык документа.

– Там указано: если событие, мной ожидаемое, не произойдет по независящим от нас причинам до конца года, то вы получите вознаграждение... Ну, там указано...

Я нашел соответствующую графу. Впечатляет. Отдохнуть на берегу моря в шикарном замке да плюс такое вознаграждение... Чего же боле?

А маг продолжал живописать, задумчиво глядя в окно, на солнце, медленно погружающее в пучину моря.

– Ну, а если вам придется... А главное, удастся предотвратить... По возможности предотвратить вторжение, то сумма вознаграждения, как вы, надеюсь, заметили, сильно возрастает. Плюс компенсация всех текущих расходов...

– В том числе и на мои возможные похороны, – не удержался я от шпильки. Если честно, меня немного раздражает унылый тон Мажеровского. Сложилось впечатление, что он заранее смирился с предполагаемым поражением и всей этой суетой занимается исключительно для очистки совести.

Маг заглянул мне в глаза и, без тени улыбки, кивнул.

– Разумеется. Все будет по высшему разряду. Плакальщицы, цветы, гроб. Или вы предпочитаете сожжение? Кстати, можете оставить координаты лица, которому я могу перечислить сумму причитающегося вам вознаграждения в случае вашей гибели при исполнении.

Это что же получается? Он мне, на полном серьезе, предлагает завещание написать? Не слабо.

– Я подумаю, – пообещал я. Настрой Мажеровского начал угнетать, поэтому я закинул очередной крючок, пытаюсь максимально прояснить ситуацию.

– И все же, не слишком ли щедрое вознаграждение за работу, в общем-то, банального охранника? За такие деньги можно нанять целый отряд, который будет охранять ущелье хоть круглосуточно.

Мажеровский поморщился.

– Тупые солдафоны не смогут ничего противопоставить уму и изворотливости моего противника. А у вас большой опыт в распутывании загадочных дел. Не волнуйтесь, чтобы предотвратить вторжение, вам придется приложить макси-

мум усилий, грандиозное вознаграждение будет отработано на все сто. В этом я уверен. Относительно финансовой стороны не беспокойтесь, вам не удастся придумать расходных статей больше, чем я в состоянии оплатить. Да и не к чему мне деньги... Теперь...

Последняя фраза явно вырвалась, маг постарался её замять. Я не стал делать вид, что не заметил оговорки и прямо спросил:

– Это почему?

– А вот это вас совершенно не касается, – взвился чародей, выйдя на мгновение из образа уравновешенного, лишённого забот, человека. Из-под маски невозмутимости проглянула жестоко страдающая душа. Знать бы еще, что вызывает такие страдания. Но раз клиент предпочитает не вдаваться в подробности, придется задействовать свои каналы.

Мажеровский закрыл лицо ладонями, но быстро взял себя в руки и попытался сгладить возникшую напряженность.

– С вашей стороны добавления к договору будут?

– О двух из них я уже говорил, – начал я мстительно. Вообще-то я не злопамятный, просто злой очень и память у ме-

ня хорошая. – И есть третье условие: только я решаю, что относится к данному делу, а что балласт. Поэтому и вам, и всем живущим под крышей вашего замка, придется максимально откровенно отвечать на все, даже самые дикие и нескромные, вопросы. Иначе я просто ничего не смогу обещать.

– Ну, хорошо-хорошо, – скривился Александр, словно я заставил его съесть целый лимон вместе с кожурой. – Но вопрос, на который я не желаю отвечать, действительно не имеет ни малейшего отношения к интересующему нас делу.

Я не стал упорствовать. Пока. В конце концов, передо мной сидит не подозреваемый, а клиент, который имеет право на причуды. Я подожду. Безусловно, он ответит. И на этот вопрос, и на многие другие. Подробно и обстоятельно, как на исповеди.

Не здесь и не сейчас, но ответит...

6 глава

Ужинали мы на веранде, в тихой романтической обстановке. Робкий ветерок, принося морскую свежесть, едва колыхал язычки пламени множества свечей, медленно истекающих восковыми слезами в рогатых шандалах. Неутомимый прибор чуть слышно вздыхал, аккомпанируя бесконечным, словно дорога в горах, тостам Азара, добровольно взявшего на себя роль тамады. Новорожденный серп месяца неспешно поднялся в небо, загадочно перемигиваясь с братом-близнецом, который качался на морских волнах. Аромат роз, причудливо смешиваясь с запахом моря, кружил голову не хуже прекрасного вина, рубином мерцающего в высоких хрустальных бокалах.

Тихо. Только цикады завели вечную, как море, мелодию и стрекочут, стрекочут, стрекочут... Что б им пусто было, все шорохи заглушают. С другой стороны, они мгновенно смолкнут, если их что-то спугнет. К примеру, ветка сухая треснет под раздвоенным копытом горного козла. Или под неосторожной лапой оборотня...

Вообще-то, со стороны гор мы прикрыты замком, но все равно, торчим на веранде глупыми мишенями, прикрытые лишь ажурной листвой винограда и звездным бархатом неба.

Я даже вздрогнул, когда над головой пронеслась молчаливая тень, тут же скрывшаяся в ночи. То ли птица ночная, то ли еще какая тварь. Но, похоже, кроме меня, это больше никого не взволновало. Азар самозабвенно токует, проговаривая очередной тост, Мажеровский увлеченно внимает Эллине, что-то мило щебечущей, не обращая внимания на тролля.

Один я сижу, как на иголках. Ну что ж, кто на что учился.

Все-таки нужно ненавязчиво отменить эти романтические посиделки. Свежий воздух не всегда так полезен, как о нем толкуют седовласые целители.

Ветерок поменял направление, стало свежо. Плечики Эллины зябко дрогнули, и она предложила перейти в каминный зал. Я от всей души поддержал столь разумное предложение.

Азар ловко разжег загодя приготовленные дрова, от камина повеяло теплом, мы расселись в креслах, любуясь танцем огня, потекла светская беседа ни о чем. Потом Эллина пересела к клавесину, стоящему в углу, и мы смогли насладиться милой спокойной музыкой, которую хрупкие пальчики виртуозно извлекали из музыкального инструмента.

Вот это работа! Я так не отдыхал уже много лет, а работать так вообще не доводилось. Красота! Общаюсь с бесконечно

милыми обитателями шикарного замка, пью замечательное вино, ем редкостные деликатесы. А главное, ни одного мерзавца на горизонте...

Жаль только, что идиллия эта не может продолжаться вечно, а значит, нужно хотя бы сделать вид, что тружусь в поте лица. Поэтому, поаплодировав исполнительнице и поблагодарив за доставленное удовольствие, я извинился перед обществом и вышел в ночь.

Тихо. Грифоны пялятся куда-то в даль. Проходя мимо, я потрепал одного из них по гриве, ощутив тепло нагретого за день камня. Цикады на мгновение смолкли, заслышав скрип песка под моими ногами, потом снова завели бесконечную скрипучую мелодию. Спящий лес сонно переговаривается с мерно вздыхающим морем, месяц с любопытством поглядывает на землю. Безмолвие такое, что слышно, как на конюшне хрупают овсом вороны. Тишь и благодать кругом... Аж противно.

Дежурный обход не выявил ничего подозрительного, я неспешно вернулся к грифонам и закурил, задумчиво глядя в морскую даль. Наконец окурочек прочертил воздух падающей звездой и упал на песок, рассыпавшись искрами. Я недовольно крикнул. Не хорошо получилось, завтра Азар будет долго ворчать на него. Я наклонился, чтобы отбросить

оурок дальше в кусты, но тут сиреной взвыло моё шестое чувство. Я шарахнулся в сторону, на ходу вынимая из кобуры пистолет, над самой головой, со свистом рассекла воздух какая-то ночная тварь, то ли птица, то ли мышь летучая. Я в сердцах плюнул. Скоро неврастеником стану, от собственной тени буду шарахаться. Это на меня местная атмосфера так губительно действует.

Убедившись, что вокруг по-прежнему тихо, я поднялся по лестнице. Взялся за ручку, скрипнула дверь, но я замер. Вот оно! В спину уперся взгляд, от которого побежали мурашки. Внимательный равнодушный взгляд. Таким в тире к мишени приглядываются.

Так вот о чем предупреждало шестое чувство! А я-то сгоряча решил, что совсем уже мышей не ловлю.

Я не стал оглядываться, шарить взглядом по темному массиву леса. Если там кто и сидит в засаде, фонариком семафорить не станет, серебристой радужкой не подмигнет...

Ладно, будет день и будет пища, в том числе и для размышлений. А с таинственным соглядатаем я днем разберусь. Когда наши шансы уравниются.

Пока я бродил вокруг замка, все успели разбрестись

по комнатам. Азар убрал со стола и, пуская дым в потухшее нутро камина, ждал моего возвращения. Убедившись, что гостю ничего не надо, тролль пожелал спокойной ночи и отправился к себе в сторожку. Я тоже не стал задерживаться, день был насыщен событиями, голова и ноги гудят, требуя отдыха.

Войдя к себе, я зажег свечу, по стенам заметались тени, заполошно вторя моим движениям. Я неспешно разобрал постель, пистолет занял привычное место под подушкой, одежда комком полетела в ближайшее кресло. Дунув от души, я погасил зыбкий огонек и отдернул штору, прикрывающую окно. Толкнул створки, они послушно распахнулись, в комнату ворвалась ночь, наполненная чудными звуками и головокругительными ароматами. Бодрящая свежесть обласкала тело, унося прочь усталость дневного зноя. Тьма, наводненная таинственной жизнью, окутала замок, только окно в сторожке Азара светится. Не спится троллю, молится, наверно, своим жестоким подземным богам.

Следя за дымом, лениво утекающим в ночь, я задумался. Смущает обилие странностей и совпадений в этом деле: чудесное спасение из пасти гарпии буквально в последний момент, сногсшибательный гонорар за, в общем-то, тривиальную работу. Опять же Мажеровский со своими «ощущениями, требующими творческого и неординарного подхо-

да». Не исключено, что все это тщательно спланированная провокация: решили заманить насолившего многим сыскаря в ловушку. А что, место тихое, уединенное, усыпят бдительность вкусной едой и комфортным проживанием, а когда я окончательно потеряю страх и разучусь бегать, нагрянут в замок колдуны-чернокнижники, жаждущие крови, развернут толковище и страшными пытками выпытают все мои тайны. А после сбросят с превеликим удовольствием бедолагу-сыскаря в самое глубокое ущелье, какое сможет отыскать верный хозяину тролль. Или в море утопят, благо плещется под самым окном. Море-то, вон какое большое, кто там несчастного сыскаря отыщет? Все концы в воду.

Море, конечно, большое, спору нет. А небо, все же, больше. Много больше...

Я долго крутился на мягкой постели, стараясь поудобнее улечься, но все время что-то мешало: то подушка слишком большая, то комар принялся зудеть над самым ухом, то одеяло удушливо-жаркое. Наконец я задремал, мысли спутались и плавно перешли в сон, добрый и приятный, как в детстве...

Разбудил меня чей-то пристальный взгляд. Я рывком поднялся, рука юркнула под подушку в поисках пистолета. А нет ее! Подушки!! И сижу я не на кровати в своей комнате, а в глубоком кресле, поглотившем мое тело, словно я попал

в зыбучий песок. Ни рукой, ни ногой не шевельнуть. Напротив, на простом деревянном табурете сидит монах в черном балахоне, в руках четки постукивают. Глубокий капюшон надвинут на лицо, и как я не вглядывался в густую тень, так и не смог разобрать черты лица. Хотя что-то знакомое в облике монаха проскользнуло. Вот только что?

Монах молча протянул руку, раскрыл ладонь, и я увидел черный кристалл в форме звездного тетраэдра, внутри которого трепещет пурпурная звезда. Занятный камушек.

– Это не камушек, – подал голос монах. Знакомая интонация резанула слух, но память упорно молчит. Мне так и не удалось определить, где я мог слышать этот низкий баритон. – Это ключ.

– И что им можно открыть? – с деланно безразличным видом поинтересовался я.

– Не что, а как. Чистый сердцем откроет дверь для всего человечества в Шамбалу. Черное сердце откроет врата Тартара.

Универсальный ключик, получается. Я попытался выбраться из удушающих объятий кресла, но не удалось. А странный монах словно не заметил моих усилий, только

кристалл подносит все ближе и ближе. Камень увеличивает-ся на глазах, вот он стал размером с большое яблоко, на одной из граней я ясно разглядел сверкнувший треугольник. А кристалл все увеличивается, вот уже фигура монаха скрылась за его гранями.

Меня закрутил безумный вихрь, я заорал, но, к собственному ужасу, не услышал ни звука. Круговерть замедлилась, рассыпалась на тысячу изображений смешного человечка, беззвучно разевающего рот. Святой Зиждитель, да это же я! А черные зеркала вокруг – это грани кристалла, только изнутри!

Замуровали!

Я заметался в поисках выхода, тысячи отражений задвигались, вторя каждому моему движению. Голова закружилась, к горлу подкатил тугой ком тошноты, грудь сдавило, словно тисками, за каждый вздох приходится бороться. Еще немного и я задохнусь в проклятом кристалле!

– Монах! Выпусти меня! Выпусти!!!

– Тише-тише, – сказал кто-то, касаясь моего плеча. Я сорвался в головокружительное падение, калейдоскоп красок радугой брызнул в глаза, наконец, все завершилось ощути-

мым ударом спины о кровать. Сердце суматошно колотится, взламывая грудную клетку, во рту пересохло, по спине сбегала противная змейка холодного пота.

Потребовалось пара секунд, чтобы я сообразил, что нахожусь в комнате, а у кровати стоит Мажеровский, с легкой опаской взирающий на пистолет, заметно подрагивающий в моей руке. Я шумно перевел дыхание. Проклятый монах и его дурацкий кристалл оказались сном. Кошмарным, липким, но сном.

– Я же выстрелить мог, – прохрипел я, конвульсивно сглатывая. – Что вы здесь делаете?

– Вы кричали, – невозмутимо пояснил хозяин замка. Звякнул графин, в моей руке оказался стакан воды. Наблюдая, как я жадно поглощаю живительную влагу, чародей продолжил, – А на счет выстрелить... Вы профессионал, рука к оружию привычна. Такие люди с бухты-барахты на курок не жмут.

Все то он знает, теоретик крабов. Под взглядом Мажеровского, полным сочувствия, моя рука нырнула под подушку, убирая пистолет с глаз долой.

– Кошмар приснился? – спросил Мажеровский. В голосе

мага прозвучало сочувствие, но почему-то подробностями страшного сна делиться не хочется. Что-то там такое проскочило, интимное. Подсказка, что ли. Нужно будет проанализировать на досуге.

– Да так, ничего особенного, – сказал я, прислушиваясь, как сердце умеряет бег. – Вы извините, что побеспокоил. Все уже прошло.

Я демонстративно принялся взбивать подушку. Александр намек понял и направился к дверям. Но на пол пути остановился.

– Вас монах посетил, – констатировал Мажеровский факт, заглянув мне в глаза. Я прикинулся шлангом.

– Какой монах? Обычный кошмар, навеянный духотой, – попытался я сделать вид, что не понимаю, о чем речь. А у самого дух перехватило, стоило вспомнить заточение в удушающем кристалле.

– Вы, Марк, на всё ущелье кричали: «Монах! Выпусти меня!» А тут только один монах бродит. Черный, – с тихой грустью сказал бывший маг. Потом церемонно раскланялся и добавил: – Не буду вам мешать. Отдыхайте. Монах редко приходит больше одного раза за ночь.

В голове мелькнула догадка.

– Вас монах тоже в кристалле душил? – догнал чаровника у самых дверей мой вопрос. Мажеровский замер на месте, словно наткнулся на стену. Медленно оглянулся и взгляд, тяжелый, как смертный приговор, скользнул по моему лицу. Повисло неловкое молчание, будто я невзначай упомянул о веревке в доме повешенного.

– Нет, – сказал маг, словно выстрелил. По лицу пробежала судорога, маг явно хотел еще что-то сказать, но передумал. Махнув рукой, он молча вышел.

Глядя на захлопнувшуюся дверь, я задумался. По всему выходит, я правильно угадал, монах и Мажеровского мучает кошмарами. Ну, его то ладно, по штату положено. А мне-то за что такое счастье?

Я долго ворочался, влажные простыни сбились в неудобный ком, сон бежал прочь, напуганный роем назойливых мыслей. Шамбала, Тартар. Ключ универсальный. Что-то проскальзывает на границе сознания, какая-то подсказка, вот только уловить никак не могу.

Восток успел покрыться нежным румянцем, а предрас-

светный сумрак вытеснил в темные углы ночную тьму, когда я забылся тревожным сном, готовый проснуться при малейшем появлении кошмара. К счастью, Мажеровский оказался прав, монах больше не появился.

Утро нового дня я встретил, благодушно похрапывая.

7 глава

Разбудил меня звук мерных трескучих ударов. Помянув не злым тихим словом «дятла», которому не спится, я покрутился еще минут пятнадцать, пытаюсь снова заснуть. Но остатки сна разогнали солнечные зайчики, потешной стайкой ворвавшись в окно и запрыгавшие по всей комнате. В такое чудесное утро грех валяться под одеялом.

Аппетитно, до хруста, потянувшись, я поднялся с кровати. Солнечные зайчики успели загнать ночной кошмар куда-то в глубь подсознания, осталось лишь легкое ощущение, что я что упустил. Ладно, разберемся...

Закурив, я подошел к окну, сизый дым облаком потянулся к горизонту. Я поискал глазами источник шума. О! Вот он! Недалеко от конюшни тролль машет топором. Красиво работает! До пояса голый, торс перевит тугими жгутами мышц, загорелая кожа поблескивает на солнце, покрытая каплями пота. Седые волосы, перехваченные на лбу кожаным ремешком, космами спадают на плечи, развиваясь при каждом взмахе огромного топора. Седая же шерсть покрывает плечи и грудь тролля, придавая ему хищный вид. Довершают суровый наряд домотканые штаны невероятной ширины и мягкие замшевые сапоги.

Издали тролль показался похожим на беспощадного Волота. Был в древние времена титан с таким именем, с легкостью ворочавший горы. Эдакий за горло ухватит – зайкой останешься! И дрова колет умело. Сперва два-три намечающих удара, а потом один, но от всей души, и чурбак осыпается вокруг колоды звонкими поленьями. Колода тоже впечатлила. Из векового дуба в два обхвата, для надежности стянута стальным обручем.

Наверняка на ней же Азар и добычу разделявает, добытую в окрестных лесах. А если Мажеровский, виновато улыбнувшись, попросит оттяпать голову Стрельцову, могучая рука не дрогнет, заноса огромный топор...

Азар воткнул топор, сверкнувший на солнце, в колоду, и стал неспешно, с чувством, с толком, с расстановкой укладывать поленницу с таким расчетом, чтобы каждое полено не просто высохло, но и напиталось солнечной энергией. Я еще немного, пока дотлела сигарета, полюбовался размеренными движениями тролля, оделся и спустился вниз.

Пора отрабатывать грандиозный гонорар.

Для начала пойду, искупаюсь. Морская вода взбодрит после бессонной ночи. Заодно гляну на этот рай земной

со стороны моря, благо солнышко, невысоко поднявшееся, очень этому способствует, пронизывая лучами лесные заросли. Может, кого и замечу в ставших прозрачными зарослях, мелькнет какая-нибудь тень, обозначив место лежки соглядатая. Если, конечно, там болван сидит. Что вряд ли...

Грифоны проводили задумчивым взглядом мою фигуру, спустившуюся по лестнице на пляж, под ногами заскрипел песок, глаза невольно прищурились, глядя на бликующее море. Прибой игриво шуршит, вынося на пляж разный мусор: то хитро закрученную ракушку, то спутанный клубок водорослей. Бренные останки краба вновь обрели подвижность, подгоняемые морем. Волна, играя и о чем-то нашептывая, набежала на берег и истаяла в песке, шипя и пузырясь. Словно вода холодная, а песок успел раскалиться.

Побродив по берегу, но так и не найдя ничего интересного, я присел на грубо сколоченную скамью. Не иначе Азар топором поработал, на все руки мастер. Скамья оказалась приятно прохладной, утреннее солнышко, только намекая на дневной зной, ласково пригрело. Мечтательно склонив голову, я уставился в морскую даль, любуясь рассветом. Типа, не спится дураку. Надеюсь, именно так и решит наблюдатель, если он бдит на посту.

Красиво. Справа в море каскадом сбегает крутой крас-

но-коричневый обрыв, о который с шумом разбиваются волны, разлетаясь фонтаном брызг. Прямо по центру бухты, защищая берег от океанской волны, торчат несколько больших камней, отшлифованных водой. С берега кажется, что это лобастые головы окаменевших чудовищ, которые с любопытством поглядывают на утопающее в зелени ущелье.

А что это там между камнями мелькает?

Я приложил ко лбу руку на манер козырька и внимательно всмотрелся. Так и есть, не почудилось. Между камнями шныряет небольшой дракон-лодка – драгер темно-зеленого цвета. Одинокий всадник в легкой кольчуге, гордо восседая на спине-палубе, уверенной рукой управляет драгером, маневрируя между валунами. При этом оба старательно делают вид, что оказались в нашей акватории совершенно случайно.

Ну-ну...

Слева берег пологий, убегает песчаной косой далеко в море. За этой косой, кстати, и скрылся нахальный драгер. Коса, как выяснилось позднее, без претензий на оригинальность, так и называется «Песчаная». Именно она сделала бухту пригодной для стоянки могучего дракабля, в данный момент мирно дремлющего у пирса.

Не знаю, кому из колдунов первому пришла в голову идея превратить морского дракона в дракабль. Но идея оказалась удачной, хотя и требует прорыва ресурсов, как золота – для покупки и дрессировки молодого дракончика, так и магической энергии – для превращения дракона в удобное для людей плавсредство с крыльями-парусами, спиной-палубой и отсеком в брюхе, отведенном для кают.

Рядом с дракаблем я заметил небольшой ялик, ошестинившийся пучком удилиц. Все правильно, дракабль для хозяина, а для тролля, балующего хозяев морскими деликатесами, плавсредство попроще.

Вот и вся дислокация. Или диспозиция. Не знаю, как правильно, но слова красивые. Производят впечатление.

Я подошел к кромке воды, волна набежала и проворно облизала ноги. Я подпрыгнул, неприлично взвизгнув. Хорошо, аж зло берет! Собравшись с духом и отмахнувшись от внутреннего голоса, трусливо предложившего перенести купание, я разбежался, загребая ногами песок, и красиво нырнул в набежавшую волну. Она сразу потащила меня за собой, в открытое море, я упираться не стал, наоборот, широкими гребками помог волне. Отплыв от берега подальше, я замер, покачиваясь на волнах. Лучи солнца, не спешащего отрываться от горизонта, скользят по поверхности воды,

делая её серой, даже пасмурной, но прозрачной. Несмотря на приличную глубину четко видно дно в рубчик, пучки водорослей таинственно изгибаются в такт неслышной музыке, пестрые рыбешки мечутся среди камней, занятые обыденными делами. Воинственный краб задрал клешни, как только его задела моя тень. Подводный вояка готов вступить в бой за территорию, невзирая на превосходящие силы. Огромный скат, встревоженный поднявшейся суматохой, не теряя достоинства, снялся с места. Вода замутилась тучей песка, но я разглядел удаляющийся силуэт, похожий на огромную бабочку. Стайка крупных лобанов скользнула в сторону, сверкнув серебристыми боками. Вот бы заохотить парочку, на радость Азару!

Впрочем, у меня по плану сейчас другая дичь на примете. Покрупнее. Причем с этой дичью нужно держать ухо в остро, иначе рискуешь сам стать добычей охотника.

Полюбовавшись красотами подводного мира, я перевернулся на спину и перевел взгляд в бескрайнее небо, шатром раскинувшееся над головой. Пронзительная, до головокружения, синь подчеркнута редкими мазками белоснежных облаков. Так бы и ухватил парочку, чтобы отправить в рот и ощутить, как на языке тает сахарная вата.

У горизонта облака сбились в кучу, став настоящим тор-

том, кипельно-белым сверху и прозрачно-голубоватым снизу. На какое-то мгновение проступили очертания замка, подозрительно похожего на замок Мажеровского. Не один ли архитектор трудился над проектом?

Это все хорошо, но воздушные замки, как известно, вещь не надежная. Ветер дунул и нет его. Лучше взгляну на замок, оставшийся на берегу. Благо перспектива открылась великолепная. Может, каждый листок и не виден, зато лес, до этого скрывавшийся за отдельными деревьями, теперь как на ладони.

Придирчиво окинул взором открывшуюся картину. Горы, окружившие замок, образовали подобие кривобокой чаши, один край которой, обращенный к морю, отколот каким-то безруким великаном. Малахитово-изумрудная зелень перемежается с красно-коричневыми лоскутами скальной породы. На самом верху, там, где обрывистый склон переходит в отлогий, видна трещина, от которой вниз, к воротам, змеится серая кайма дороги, ныряющей за воротами в густую тень парка. И вот что ещё показалось: чаша эта малахитовая не только со стороны моря отколота, но и едва заметную трещину имеет, которая начинается у одного берега и пунктиром бежит до другого.

Не тропка ли потайная проложена? По которой можно

бухту из края в край обойти, не попадаясь на глаза беззаботным жителям замка. Нужно будет с троллем этот вопрос провентилировать...

Осмотр местности настроения не прибавил. Все оказалось даже хуже, чем я себе представлял. Этот замок, похожий на именинный торт в картонной коробке, только и ждет, пока на него сядет какой-нибудь ротозей. Сама природа изрядно повозилась, чтобы превратить ущелье Черного монаха в мышеловку. Впрочем, кажется, я повторяюсь...

Нет, возможность оградить замок от вторжения теоретически существует. К примеру, можно загнать в ущелье легион Гарантов. Весь! Тогда тут ступить некуда будет. Или созвать всех магов и установить защитный купол. Или...

В общем, оградить замок от вторжения усилиями одного сыскаря нереально. Не зря интуиция подсказывала, что не стоит связываться с чернокнижником, пусть даже отошедшим от дел. Нужно было выпрыгивать из магбиля еще тогда, когда тролль вез меня к этому обреченному замку. Прыжок на ходу, скорее всего, закончиться бы переломом, возможно не одним, но это пустяки по сравнению с тем, что может произойти, если события «ожидаемые Мажеровским» все-таки будут иметь место.

Совсем раскис, любуясь красотами ущелья. Договор подписан, к обязанностям я приступил, значит, отступить поздно. Стрельцова много в чем можно обвинить, но только не в том, что он бросает дела, испугавшись трудностей. Мы еще поборемся!

Вот только внутренний голос подсказывает мне, что закончится все это печально.

8 глава

Когда я, в самых растрепанных чувствах, вернулся на пляж, оказалось, что на берегу меня поджидает Азар. Троль расположился на скамье и с интересом наблюдает за моими водными процедурами. Рядом с ним расположилось огромное блюдо с впечатляющим натюрмортом из даров сада. Тут тебе и дразнящие румяным боком яблоки, и цветком раскрывшиеся под ловкими руками тролля апельсины, рядом громоздится янтарная гроздь винограда, каждая ягодка которой светится насквозь, давая возможность убедиться, что внутри отсутствуют косточки. Достойным штрихом картину завершил кувшин литров на пять с узким горлышком, похожий на лебедя, вставшего на цыпочки.

И судя по тому, как блестят глаза Азара, в кувшине не компот.

– Красиво плаваешь, – похвалил меня троль, пыхая короткой трубкой.

– Не то слово, – согласился я, прыгая на одной ноге, пытаясь второй попасть в штанину. Наконец упрямая одежда сдалась, и я смог прикрыть наготу. Весьма кстати, кожа под порывами бриза покрылась пупырышками, зуб на зуб не по-

падает, так что кружка вина, поднесенная Азаром, оказалась весьма кстати.

– Пей. Такого вина ты не пробовал. Оно силу дает. И храбрость, – тролль задумчиво проводил взглядом кружку, припоминая, все ли сказал. Я продолжения речи дожидаться не стал, сказанного вполне достаточно для порядочного тоста. Пригубил. Вино действительно превосходное. Осушив кружку, я прислушался к ощущениям: легкая зябкость, возникшая после купания, бесследно исчезла, оставив бодрость духа и свежесть тела. Да после такого вина я самолично всех местных вурдалаков-кровопийц передую как котят!

Подставил кружку под рубиновую струю.

– Сто литров выпьешь – сто лет проживешь, – заверил тролль, наливая вино.

– Сто литров за раз? Или за сто лет? – спросил я, переводя дыхание после второй кружки. В голове появилась приятная легкость, мысли приобрели контрастную четкость, сразу потянуло разрешить пару-тройку неразрешимых мировых проблем.

Азар загрустил. Отпил вина, посмотрел на меня долгим оценивающим взглядом.

– Зачем смеёшься? – без тени обиды спросил он, а глаза грустные-грустные, как у спаниеля.

– Потому что боюсь тебя, – искренне ответил я, слегка смущенный.

Белые зубы сверкнули в хищной улыбке, тролль покачал головой.

– Ты уже ничего не боишься. Боится тот, кому есть что терять. А тебе терять нечего...

Вот крабий хвост. Еще один философ на мою голову. Хотя... В чем-то он, несомненно, прав. Я давно не испытывал страха. С тех самых пор, как погиб...

Я замотал головой, отгоняя некстати всплывшие воспоминания. Те, кому доводилось терять близких, знают, что боль хоть и притупляется со временем, но никуда не исчезает, оставаясь занозой в сердце.

А у меня таких заноз... Как у ежика иголок.

– Еще вина? – спросил Азар, пытаясь отвлечь меня от мрачных дум. – Это вино только в нашем роду делали,

из винограда, растущего высоко в горах, – с изрядной долей гордости добавил тролль. Но тут же поскучнел, будто тучка закрыла солнечный диск, и тихо, словно про себя, добавил: – Больше такого не будет.

Ну и компания подобралась! У каждого боль в душе, а сердце кровоточит. Поподробнее бы расспросить, но пока не время, и я спросил совсем не о том, о чем хотелось бы.

– Слушай, Азар, тут поверху тропа есть?

– Есть, – кивнул тролль, отвлекаясь от мрачных мыслей. – Но трудная, да. По ней только козлы скачут. Ну и я еще пройду. Да.

«Тропа проходима», – мысленно заключил я.

– Покажешь?

Троль пожал плечами, отпивая глоток из быстро пустеющей кружки.

– Покажу.

Даже не спросил, зачем мне это надо.

– А после завтрака свезешь в море?

Троль окинул взором водную гладь, словно прикидывая, можно ли сегодня выходить в море, и молча кивнул. Одной рукой подхватил опустевшее блюдо, другой кувшин с остатками вина и направился к замку.

– Пошли. Завтракать. Ждут уже. Да.

Завтракали все вместе, на веранде, любуясь спокойным морем. Тень от виноградника, взобравшегося по деревянной решетке, спасла от пригревающего солнышка. Лучики, пробившись сквозь ажур листвы, устроили на столе танец солнечных зайчиков, которые искрами рассыпались по лезвиям ножей, смело нырнули в глубь бокалов с вином, а один, самый игривый, запутался в локонах Эллины, отзываясь мягким блеском в жемчужно-серых глазах.

Есть женщины, красота которых подвигает мужчин на безумства и подвиги. Бывают женщины, бесконечно милые и добрые, словно созданные для того, чтобы скрашивать жизнь любимого мужчины, даже если он не всегда достоин этого.

Но иногда, очень редко, но все же... Встречаются женщины, похожие на юношеский сон, ставший мечтой, прекрас-

ной и несбыточной. Мужчины, встретив ожившую мечту, теряют голову...

...Мягкий блеск глаз, взгляд, проникающий в душу, тень от длинных ресниц на щеках, чуть тронутых румянцем. Блеск жемчуга зубов в неожиданной улыбке, волнующий тембр голоса, от которого начинают петь такие струны души, о существовании которых ты и сам не подозревал. И любой пустяк о погоде ли или о пролетающей мимо бабочке, произнесённый Эллиной, кажется наполненным глубоким смыслом и сокровенным значением, доступным лишь мудрецам поднебесья...

Почему так происходит? Эта тайна скрыта за семью печатями. Если её разгадать, мир потеряет значительную часть очарования. Может, её словам придает глубину и смысл очаровательная свежесть коралловых губ. Может просто улыбка Эллины благодарит за понимание, а добрый внимательный взгляд обещает, что девушка вот-вот скажет о тебе что-то очень хорошее, чего ты и сам еще о себе не знаешь. Скажет громко, не таясь, для всех и твоя жизнь обретет новый смысл...

Когда Элина, мимолетно прижавшись щекой к плечу Ма-жеровского, покинула наше общество, на веранде повисла тишина, нарушаемая лишь криками вечно голодных чаек.

Даже солнечный зайчик, который нежился в шелке волос девушки, потерянно заметался, не находя места. Александр, прервав на полуслове разговор, проводил Эллину взглядом, полным нежности, приправленной изрядной долей горечи. Все больше убеждаюсь, что переживает маг отнюдь не за себя.

Азар без лишней суеты принялся убирать со стола. Когда он вышел, я небрежно спросил:

– Я могу давать ему поручения?

Мажеровский вздрогнул, погруженный в мысли, по мне скользнул недоуменный взгляд, но маг быстро сориентировался и кивнул с достоинством.

– Все, что считаете нужным, – но остался верен себе и добавил не без сарказма: – Разумеется, в пределах ваших обязанностей.

С этим трудно не согласиться.

– Тогда сейчас, с вашего позволения, мы с Азаром выйдем в море.

Глаза мага заинтересованно блеснули:

– Зачем?

– Потому что, – мягко вернул я подачу и не удержался от шпильки. – Доклад по возвращении. В пределах моих обязанностей.

Мажеровский с неподдельным интересом посмотрел на меня, мягкая улыбка осветила аристократичные черты лица.

– Вы, Марк, очень интересный экземпляр. Жаль, что мы встретились при столь сложных обстоятельствах. В другое время и в другом месте, я думаю, мы вполне могли бы стать друзьями.

– Не уверен, – не стал я кривить душой. Конечно, какая-то симпатия к бывшему магу в моей огрубевшей за время службы душе возникла, но я старательно душу ростки этой симпатии, иначе потеряю объективность, а это неминуемо осложнит работу, и так не обещающую быть легкой. Поэтому я не стал вступать в полемику и, раскланявшись с Мажеровским, отправился на пирс.

Стараясь не выпадать из образа беспечного гостя, шляющегося по территории «от нечего делать», я двинулся по до-

рожке в сад. Песок захрустел под ногами, ветви, отяжеленные плодами, склонились над дорожкой так, что пришлось склонить голову. Яблони усыпаны румяными плодами, груши елейным ароматом привлекли множество пчел, деловито жужжащих над спелыми плодами. Попались даже персики, но их плоды, покрытые пушком, оказались еще не спелыми. Ну, что ж, всему свое время.

Фруктовая аллея сменилась ореховой, затем каштаны простерли надо мной резные листья. Наконец, дорожка вывела к заброшенной беседке, сплошь увитой вездесущим плющом. Даже странно, весь сад тщательно ухожен, везде видна хозяйская рука Азара, а таинственная беседка утопает в зарослях крапивы, даже дорожка, ведущая к ней, изрядно заросла.

Недолго думая, я раздвинул заросли и шагнул в беседку. Зеленый полумрак с россыпью солнечных зайчиков встретил прохладой и прелым запахом, под ногами заскрипели разошедшиеся доски, покрытые бурым ковром сухих листьев. Похоже, сюда с осени никто не заглядывал, а то и дальше. Интересно, с чего бы это? Довольно уютная беседка, здесь, думаю, даже в полуденную жару прохладно. Отремонтировать покосившуюся скамью и хоть живи здесь...

Раздался жалобный писк птенцов, я пошел на звук, за-

гребая ногами листья. В углу, около одного из столбиков, поддерживающих крышу, обнаружилось гнездо с тремя желторотиками. Завидев меня, птенцы истошно завопили, призывно открывая окаймленные желтым клювы. Жрать хотят.

– У-ти, какие, – пробормотал я с умилением. И поспешил ретироваться, заслышав раздраженный стрекот подлетевшей мамыши. Не стоит мешать заботливым родителям, у них и так хлопот полон рот. Я осторожно прикрыл гнездо и пошел к выходу, продолжая ломать голову над причинами столь пренебрежительного отношения к чудесной беседке...

Краб хвостатый!!!

Только очень хорошая реакция спасла меня от падения в люк, разверзшийся в полу беседки. Пока я любовался птенцами, неведомый механизм пришел в действие, и открылся потайной ход. Так вот что скрывает таинственная беседка.

Так как любопытство мне по штату положено, я заглянул в открывшийся проем. Вниз нисходит лестница из металлических скоб, вбитых в стену, последние ступени укрылись в темно-синей воде, даже на вид холодной. Причем, что странно, дно водоема видно отчетливо, словно оно подсвечено, синяя бездна манит и одновременно пугает какой-то древней тайной, в глубине мелькают расплывчатые тени,

словно мечутся стенающие души в аду. И куда это подземное море может привести? Не зря же тут беседку отстроили с потайным ходом. Кому-то это было надо. Нужно будет обязательно выяснить, знания на плечи не давят.

Не глянулось мне это место. Загадки, древние тайны... Тут без них не проверить, а теперь гадай еще, что за чудище может выбраться из безобидной на первый взгляд беседки. Не зря же её предали забвению, видимо, прецеденты были.

Пошарив по стене и столбикам, я попытался найти кнопку или рычажок, который позволил бы закрыть люк. Не бросать же в таком виде. Но или искал не там, или стучал не так, люк упрямо зиял. За спиной вновь заволновались птенцы в ожидании очередной порции кормежки, я невольно глянул в сторону гнезда, и взгляд тут же наткнулся на чудной сучок в столбике. Припомнилось, как я оперся на этот столбик рукой, разглядывая птенцов. Под большим пальцем действительно провалился сучок, но тогда я не придал этому значения.

Сучек шелкнул и вернулся на место, за спиной зашуршали листья. Обернувшись, я уже с трудом определил, где находился люк. Немного поэкспериментировав с кнопкой-сучком, выяснил, что механизмы, открывающие и закрывающие люк, в полном порядке.

Получается, не так уж беседка и бесхозна.

Закрыв люк и разровняв листья, я покинул беседку, поделившуюся секретом. Пора возвращаться, надеюсь, Азар уже готов выйти в море.

Потайной люк в заброшенной беседке, к сожалению, оказался не последней находкой. Проходя под крутым обрывом, ограждающем ущелье справа, я нашел череп.

Человеческий.

Нет, излишней чувствительностью я не страдаю, сам факт того, что череп когда-то принадлежал человеку, меня не смутил, тем более это было очень давно. Гораздо больше меня смутила свежая трещина, расколовшая затылочную кость. Создалось впечатление, что злополучный череп совсем недавно упал откуда-то сверху. Задрав голову, я осмотрел нависшие над головой скалы, но ничего, способного вразумительно объяснить появление черепа, так и не обнаружилось.

Не нравится мне все это. Не правильно все как-то...

9 глава

Вернувшись на пирс, я обнаружил, что Азар медведем возится в ялике, что-то мурлыча под нос. Пучок удилиц торчит с кормы: дураку понятно – на рыбалку собрались. Рядом видна корзина с нагло выглядывающим горлышком знакомого кувшина, только теперь горлышко плотно закрыто хорошо подогнанной крышкой.

Вино. Это правильно, что ж то за рыбалка, если улов обмыть нечем?

Азар, заметив меня, сошел на берег. Я с некоторым сомнением глянул на утлое суденышко, ходуном заходившее под троллем.

– Готово? – спросил я. Троль, задумчиво пыхтя короткой трубкой, окинул меня долгим придирчивым взглядом.

– По тропе пойдешь? – уточнил он.

– Да.

– Тогда подожди немного. Один вещь принесу. Да.

Троль двинулся к сторожке, едва видной в зелени сада, за его спиной повисло облако дыма, а я остался стоять, с легким недоумением глядя ему вслед. Что еще за «один вещь»?

Обед скоро, а он тут шутки шутит.

Несмотря на мои опасения, вернулся троль быстро. С пустыми руками. Молча игнорируя мою вздернутую бровь, забрался в ялик, принялся неторопливо вставлять весла в уключины, всем своим видом показывая, что готов к выходу в море.

Я, если честно, вообще ни разу не видел, чтобы Азар куда-то спешил или что-то делал в быстром темпе. Остается загадкой, как при столь размеренном темпе жизни он успевает управляться с изрядным хозяйством Мажеровского.

Поняв, что больше ждать нечего, я устроился на корме, рядом с корзиной. Азар оттолкнулся от берега, весла синхронно погрузились в воду, и ялик понесся по волнам не хуже боевого драгера. Все-таки силищи у тролля немерено.

Александр и Элина наблюдали за нашим отплытием, стоя на веранде. Элина помахала вслед ялику белым платочком, Мажеровский что-то крикнул. Жаль, что из-за горластых чаек я ничего не расслышал. В общем, проводили

рыбаков на путину...

Ялик, бодро прыгая по волнам, добрался до одного из островов, похожих на окаменевшее чудовище. Я переложил румпель на правый борт с таким расчетом, чтобы остров скрыл нас от любопытных глаз, оставшихся на берегу. При чем я переживал вовсе не за Мажеровских, это и крабу понятно.

Якорь с брызгами скрылся за бортом, Азар деловито принялся разбирать снасти, одновременно давая указания.

– В корзине фляжка есть. Это тебе хозяин передал. Достань.

Я немного покопался в припасах, фляжка оказалась чуть ли ни на самом дне.

– Эта?

– Да. В ней эликсир Ундины. Слышал о таком?

А то! Чудная вещь! Сложна в изготовлении и требует редких ингредиентов вроде молока единорога и чешуи русалки-девственницы, но зато, говорят, хлебнув такого эликсирчика, под водой чувствуешь себя, как рыба. А хорошая мор-

ская практика подсказала, что от таких подарков не отказываются.

– Вылезешь на берег у гладкого камня, что языком сполз в море. Влезешь наверх. Там врата Велеса увидишь.

– Чьи?

Укоризненный взгляд стал мне ответом. Серые брови сошлись на переносице, заложив на лбу глубокую складку. Мне сразу стыдно стало! За невежество своё...

– Два камня увидишь. На медведей, вставших на дыбы, похожи. Тропа за ними начинается.

Я кивнул. Инструкции получил, фляжка за пазухой, можно отправляться. Достав флягу, я её немного покрутил с сомнением, но все же решился, открутил крышку и сделал солидный глоток. Прислушался к ощущениям. На вкус приятно. И больше ничего. Ни жабры не прорезались, ни на воздухе задыхаться не начал. А по идее должен. Тролль, спиной почувствовав недоуменный взгляд, пояснил, не сводя глаз с поплавка:

– Под водой поймешь. Да.

Ну-ну, лишь бы ошибки не вышло. Я сбросил рубашку, штаны на всякий пожарный оставил, и соленая вода приняла меня в объятия, как родного.

– Подожди, – остановил меня тролль, отвлекаясь от снастей. Я уставился на него, выдохнув заготовленный для погружения воздух. Рука тролля нырнула за пазуху, и я увидел кепку в мелкую выцветшую клетку. Тролль аккуратно её расправил и подал мне.

– Боишься, что мне макушку напечет? – спросил я, с недоумением разглядывая неказистую кепку. Я вообще головные уборы не жалею, а уж такие и под пистолетом носить бы не стал. Но пояснение тролля кардинально изменило моё мнение.

– Оденешь и враг тебя видеть перестанет. Так, да...

Я едва не утонул после такого заявления. Неужели он хочет сказать, что это та самая шапка, в данном случае кепка, которая невидимка? Ведь считается, что все действующие экземпляры давно утеряны, а технология изготовления прочно забыта. А тут такой подарок! Я поспешно натянул кепку на голову и разочарованно вздохнул. Вот мое отражение, вот отражение кепки. Ну, и в чем фокус?

– Козырьком назад надо, – терпеливо подсказал тролль. Я крутанул кепку на сто восемьдесят градусов и присвистнул от восхищения: на воде осталось одинокое отражение Азара, решившего в такой чудесный день вздремнуть над удочками.

Блеск!

– Меня долго не будет, – предупредил я, пряча кепку в карман брюк.

– Подожду, – невозмутимо ответил Азар. – Порыбачу. Так, да?

– Хоть шкентелем вышивай. Только не храпи. Врага спугнешь.

Вода сомкнулась над головой. Я невольно задержал дыхание. Эликсир эликсиром, а на рыбу меня не учили, трудно вот так с ходу перейти на подводное дыхание. Но природа взяла свое, горящие легкие настоятельно потребовали очередной порции кислорода, и я судорожно вдохнул. Забавно, но никаких дискомфортных ощущений не почувствовал. Показалось, что вдохнул не воду, а чистый горный воздух. Ну, может чуть влажноватый, словно вышел рано утром в холодный туман. Вдох. Выдох. К поверхности устремились жемчужные пузырьки. Дальше я поплыл, аки рыба.

До берега добрался без приключений. Лишь раз сердце неприятно екнуло, когда на грани видимости мелькнул обтекаемый силуэт акулы. Но то ли подводная хищница была сыта, то ли я не показался достаточно аппетитным, но огромная рыба невозмутимо проплыла мимо, не удостоив меня вниманием. Переведя дух, я в рекордные сроки добрался до берега. Камень, похожий на язык, оказался на месте, я с трудом вскарабкался на него, ощущая себя неуклюжим тюленем. Полежал немного, отдышался. Перекурить бы это дело, но я специально сигареты не взял от соблазна подальше. Слишком уж нюх у оборотней хорош.

Отдохнув, я достал из кармана кепку. Напялил её на голову, крутанул козырьком назад. На всякий случай глянул в воду в поисках отражения, но, несмотря на то что чуть не свалился с берега, отражение так и не нашлось. Кепка-невидимка сработала, несмотря на влажность. Проверил пистолет, не отразилось ли купание на его профпригодности. Все в порядке, старичок бывал в передрягах и покруче, но ни разу не спасовал.

Где же врата Велеса, бога, похожего на медведя? Если я хоть что-то понимаю в медведях, то вон они, почти на вершине склона, скрытые буйной приморской растительностью. Восхождение обещает быть нелегким, это тебе не королев-

ская канатная дорога.

Сориентировавшись на местности, я полез вверх. На ум некстати пришла поговорка про умного и гору. К счастью, вопреки насаждаемому этой поговоркой мнению, я себя дураком не ощутил. Вероятно, все зависит от точки зрения. Для оставшихся внизу мои акробатические трюки может и кажутся безумием, а передо мной открылась настолько захватывающая панорама, что в душе поневоле пробился росток сочувствия к тем, кто лишен возможности любоваться этой бескрайней красотой.

Вот так, на ходу оправдывая собственные поступки, я быстро добрался до каменных медведей, застывших в позе борцов сумо. Пробравшись под аркой из сцепленных лап, я обнаружил едва заметную стежку тропы, петляющей среди колючих зарослей. Высоко поднявшее солнце раскалило каменных борцов, в складках их шкур безнаказанно шныряют изумрудные ящерицы и пугливые пауки. Но, несмотря на это, я прижался спиной к одному из камней и внимательно осмотрелся, намечая маршрут. На вскидку прикинул, где бы сам расположился, если бы приспичило изучить образ жизни обитателей замка. Большую часть пути можно пройти по тропе, не опасаясь обрушить камнепад на голову притаившемуся наблюдателю. Кепка кепкой, но, если я свалюсь ему на голову, невидимость не поможет. Еще «кондратий»

хватит бедолагу...

Началось восхождение к заоблачным далям. Тропа та еще попалась. Мечта идиота. Под ногами камень, то обжигающе-горячий, то опасно-сыпучий, так и норовит из-под ноги утечь. В одном месте тропу буквально под носом пересекло гибкое тело змеи, то ли догоняющей кого, то ли наоборот. Хорошо, что не мышь. Визгу было бы!

Тропа с обеих сторон ограждена живой изгородью из колючих кустов, тысячи колючек впились в плотную ткань штанов, норовя оторвать клоч побольше. Так что, несмотря на все предосторожности, вылез я из кустов изрядно поцарапанный, словно бился с целой стаей диких кошек. Кожу стало саднить, а идея отыскать наблюдателя перестала казаться гениальной. Особенно обидно будет, если выяснится, что «кошки в темной комнате не было вовсе».

К счастью, колючие заросли сменились мирными папоротниками, чьи ажурные листья вольготно разрослись в сырой тени больших деревьев. Запах прелых листьев защекотал нос, глаза приноровились к зеленому полумраку, полному шорохов и пения птиц.

Добравшись до приметного, расколотого надвое ударом молнии, дерева, я забрал круто вверх, покинув пусть и не го-

степриимную, но все же тропу. Наблюдатель наверняка тоже на ней наследил, так что логово его должно располагаться выше тропы. Опять же Азар по тропе в поисках дичи шастанет, «он» не может об этом не знать...

Перестраховавшись, я, как дурной горный баран, забрался на самый гребень, выше только небо и орел, лениво парящий над ущельем. Дальше я волком пошел: глаза, уши – все на пределе. А особо ноги, чтобы ветка сухим выстрелом не хрустнула на весь лес, чтобы камешек шальной на чью-либо башку не столкнуть. Хотя я, ощущая жжение в исцарапанной спине, и скалы не пожалел бы по доброте душевной...

Зато вид отсюда красивый, аж дух захватывает. Все ущелье как на ладони. Замок дырявит небо множеством остроконечных шпилей, флюгеры блестят на солнце, лениво покачиваясь из стороны в сторону. Сад колыхается зелеными волнами, обтекая островок крыши сторожки. Даже заброшенная беседка таинственно белеет сквозь неистовство зелени. И Азара хорошо видно. Вон вскинулась удочка, засверкало серебро рыбешки, польстившейся на наживку. При деле тролль.

Кстати, нужно будет и о нем справочки навести, слышал я одну душещипательную историю с печальным кон-

цом. Не о нем ли? Не спроста же Мажеровский обзавелся столь экзотичным слугой-другом. Чернокнижникам-то в основном оборотни служат, у них симбиоз: оборотни служат тем, кому больше никто не желает служить, а чернокнижники спасают оборотней от гнева людского. Кто добровольно сунется в замок злого колдуна? Даже в поисках обидчика?

Упс! Вот он! Чуть не пропустил, засмотревшись на удачливого рыбака.

Сидит, голубчик, не подвела меня интуиция. Если судить по тому, что место лежки он выбрал недалеко от того, которое я для себя присмотрел, субчик не простой. И гнездо свил знатное, уютное, явно рассчитано не на один день. Как я и углядел-то его? Солидных размеров волчара сидит в небольшой впадине, засыпанной сухими листьями, только уши торчат да нос по ветру. Рядом блеснула подозрная труба. В мелкие детали всматривается, гад. Фляжка листвой припорошена, рядом сухпай. Камешком лист бумаги прижат, чтобы, значит, записи ветром не унесло. Хорошо лежит, красиво. Девочки только не хватает.

Хотя нет, ошибаюсь, вот и она, родимая. «Наши жены – пушки заряжены...» Ну не пушка, конечно, но калибр впечатляет. Чуть на отлете, но в пределах досягаемости лежит винтовка, тщательно обмотанная полосками кожи. Не любит

нечисть хладного металла...

Интересно, кто его так упаковал? Экипировка, достойная королевского егеря. Место выбрано умело, весь замок как на ладони: распахнутые окна так и притягивают взор, вон Эллина с Александром беззаботно бродят по пляжу. Воркуют, голубки.

Зато Азара отсюда не видно, лодка скрыта островком, правильно я рассчитал. Так что будет в отчете оборотня запись: тролль и сыскарь рыбачили с... до...

Я удобно устроился на травке, солнышко светит, оборотень бдит. Правда, скучно бедолаге, особого вдохновения не видно. Ничего, сейчас развлечемся. Заодно посмотрим, что он из себя представляет. Я покрутил головой. Прямо над наблюдателем обнаружилась сосна. То, что надо.

Крупная шишка шлепнулась на спину оборотня, подскочила, как резиновая и, перелетев через голову с прижатыми ушами, покатила дальше по склону.

Молодец! Не то, что не вскочил-заоглядывался, даже не вздрогнул, словно и нет его здесь, и не было! Только по спине рябь прошла, да шерсть на загривке вздыбилась.

Долго ничего не происходило. Я даже решил, что храбрый вояка с испугу в обморок упал. Но нет, бдит. Расправились уши, прислушиваясь к шорохам за спиной, медленно, очень медленно сдвинулась морда, и оборотень скосил глаз назад. Убедившись, что опасность над спиной не висит, осмелел, повернул голову, бросил подозрительный взгляд на сосну. А что смотреть, на ней все шишки еще зеленые, а я прошлогодней в него запустил. Но, похоже, он этого несоответствия не заметил. Так и отвернулся, ничего, даже моего добротного скрученного кукиша, не разглядев.

Успокоился, даже от сухпайка отхватил кусок, мощные челюсти задвигались, перемалывая сухомятку.

Интересно, а когда у него смена? И где у него нора? Как он связь держит, а главное – с кем? И вообще, какого рожна он здесь вынюхивает?

Спросить, что ли? Пока после шишки не очухался. Впрочем, хорошая морская практика подсказала, что спешка ни к чему хорошему не приведет. Присмотреться нужно, понять, чем дышит, а там видно будет. Если он укушен недавно, то еще есть возможность по-хорошему, по-человечьи договориться. А если давнишний...

Я полежал в тенечке еще немного, смотрю, а оборотень

опять к сухпайку приложился, теперь уже на полном серьезе. Проголодался, крабий хвост. А я что, рыжий? Пора спускаться с заоблачных далей на грешную землю, поближе к кухне. На плотный обед я уже точно заработал.

Спуск дался легче, только ноги успевай переставлять. Врата Велеса вовремя на пути возникли, а то я так и плюхнулся бы в море с размаху. Заплыв неприятных сюрпризов тоже не доставил. Сильное течение, с которым пришлось бороться по пути к берегу, теперь само дотасило уставшего сыскаря до лодки.

Азар не подкачал, душевно встретил. Кулем втащил меня в лодку, сунул в руки кружку вина, к которой я припал, как теля к вымени. Пока я употреблял живительную влагу, тролль помог разоблачиться и кинул жесткое полотенце. А сам тем временем на средней баночке накрыл импровизированный стол.

Едва я успел натянуть рубаху, как под самым носом возникла вторая кружка вина и жизнь заиграла радужными красками. Усталость и зябкость отступили на задний план, Азар широким жестом пригласил к столу, и я с удовольствием вцепился зубами в холодное мясо, подрагивая озябшими плечами. Получив на десерт румяное яблоко, я сочно захрустел им, умиротворенно глядя на волны.

Азар прикурил сигарету, протянул её мне, а в его руках появилась трубка с коротким мундштуком. Вскоре к сигаретному дыму примешались колечки дыма из трубки, глаза с вертикальным зрачком поглядывали с любопытством, но тролль, видимо, считал ниже своего достоинства приставать с вопросами. А я не спешил удовлетворять его любопытство, отдыхая и обдумывая полученную информацию.

Тролль докурил, выбил трубку, отправив пепел в воду, и принялся неспешно сматывать удочки. Так и не дождав-шись отчета, будто бы невзначай поинтересовался:

– Что видел? Ноги не зря бил?

– Не зря, – кивнул я, щелчком отправив окурок в набе-жавшую волну. Тролль вскинулся, как боевой конь по сиг-налу к атаке.

– Если там плохой человек сидит, только скажи – заре-жу! Да!

– Сидит, – не стал я отпираться. – Только резать я его не стал.

– Испугался?

– Не то слово! Знаешь, как я крови боюсь? Сразу в обморок падаю, – жалобно сказал я, вгрызаясь в очередное яблоко.

Белые зубы сверкнули в улыбке.

– Понимаю. Этого зарежем, два других придут. Так, да?

Я кивнул, пытаясь совладать с сочным яблоком. Тролль задумчивым взглядом обвел ущелье, явно прикидывая, сколько трупов можно тут спрятать.

– Правильно сделал, – одобрил он наконец. – Сначала выясним, зачем сидит, кому сидит. Потом зарежем, – и, сделав паузу, добавил: – Хорошо, что тебя гарпия не убила.

– Хорошо, – согласился я. – Мне тоже нравится.

Все бы ничего, но пока мы тут разговоры разговаривали, погода успела заметно испортиться. На море часто так бывает. Только штиль полный был, море зеркалом лежало, глядишь, свежий ветерок дунул, закручивая белые барашки на верхушках волн. Солнце припекло так, словно решило испечь нас живьем, горизонт набух пепельной синевой, стремительно пожирающей ультрамарин неба.

– Домой? – с тревогой поинтересовался тролль.

– Разумеется, – ответил я. Мне совсем не улыбалось бороться со штормовым морем в утлом ялике. Ничего дельного из этого не выйдет, это я вам как бывший мореман говорю.

– Гребите к берегу.

Загремела якорная цепь, весла мощно вспороли воду, ялик птицей сорвался с места, подгоняемый попутным ветром.

К пирсу мы подходить не рискнули, разгулявшаяся волна размолотила бы ялик в щепки. Поэтому Азар направил лодку к пляжу, и вскоре нос ялика глубоко зарылся в песок. Выпрыгнув на берег, мы вытащили лодку подальше, чтобы волна не утащила её назад в море, и двинулись к замку, груженные мокрыми снастями и уловом, словно настоящие рыбаки после тяжелой путины. Вроде как нас ждут объятия любящих женщин. Как говорил наш боцман, никто так не умеет ждать, как жены моряков. И то верно: ТАК – никто.

Нас обгонял всяческий мусор, выброшенный на берег бродягой-волной. С пляжа поднялись тучи песка, и ветер принялся горстями бросать его в окна замка.

В холле нас встретила Эллина, зябко кутающаяся в шаль. Наше появление сменило тревогу в её глазах на искреннюю радость.

– Слава Зиждителю, вы вернулись! Такой ветер поднялся, Саша сказал, шторм приближается. Я так волновалась.

– Э! Зачем волноваться? – удивился тролль, спешно закрывая дверь. – Настоящему мужчине ветер – друг! Так сказал? Да?

Я хмыкнул, вспомнив побледневшее лицо тролля, когда очередная волна перехлестнула через борт. Хорош друг, вон как в двери ломится.

– Окна закрой, – попросил я тролля. – Насморка боюсь.

Нужно воспользоваться случаем и потихоньку приучать обитателей замка к режиму секретности. Кто знает, что «он» там высматривает в подзорную трубу. Зачем же врагу облегчать задачу?

Азар отправился на кухню доводить до ума улов, я двинул к себе, переодеться и кое-что обдумать. Информации, конечно, пока недостаточно, зато лежа очень хорошо дума-

ется. Лежишь, думаешь, крутишь факты и так, и этак...

10 глава

Раздался стук в дверь. Что-то новенькое. Я уже привык, что Азар вламывается в мою комнату, как к себе домой.

– Входи, чего уж там, – крикнул я, потягиваясь. Дверь неслышно отворилась, и я поспешно натянул одеяло до подбородка. В комнату вошла Эллина.

– Извините, Марк, – смутилась девушка. – Но Азар на кухне возится, а Саше не терпится с вами поговорить. Вот он и прислал меня узнать, сможете ли вы уделить ему немного времени.

– Знал, кого прислать, – буркнул я, пытаюсь дотянуться до рубашки. – Уж по вашей, Эллина, просьбе, я звезду с неба достану, не то, что время Мажеровскому уделю.

– Вот и хорошо. Я Саше так и передам. Он вас в кабинете ждет.

Я дождался, пока за Эллиной закрылась дверь и, наконец-то получил возможность спокойно одеться.

Хозяин замка, ожидая меня, нетерпеливо мерил шагами

кабинет. Не дожидаясь, пока я устроюсь в кресле, он атаковал градом вопросов.

– Что-нибудь выяснили? Мои опасения подтвердились? За мной действительно ведется наблюдение?

Я с интересом посмотрел на взъерошенного хозяина кабинета. Вот не думал, что обычно сдержанный маг способен на такую экспрессию.

– Не знаю, как ваши, а мои опасения подтвердились, – ответил я, наблюдая за реакцией Мажеровского. – За замком действительно уставлено наблюдение, причем на профессиональном уровне. А вот связано ли это с вами или еще с кем из проживающих в замке, я постараюсь в ближайшее время выяснить. Тогда и представлю отчет по полной программе.

– То есть? В смысле, из проживающих в замке? – опешил маг.

Ах, да, я совсем забыл, мания величия у злых гениев – профессиональное заболевание. Любой из них уверен, что все вращается исключительно вокруг их бесценной персоны.

– В замке ведь не только вы проживаете, – пожал я плечами. – Эллина, Азар. Чем ваш тролль не объект для наблюде-

ния? Опять же, ваш покорный слуга.

Мажеровский прекратил маятником носиться по кабинету, кресло скрипнуло, принимая в объятия его худощавую фигуру. Аккуратно уложенные волосы мага растрепал порыв ветра, ворвавшийся в распахнутое окно. Просто невероятно, насколько в этом замке любят свежий воздух, постоянно все окна на распашку. А может, у кого-то из жильцов клаустрофобия?

– Вы действительно считаете... – задумчиво протянул Мажеровский, глядя мне в глаза, – ... что могут следить за кем-то из перечисленных? Смысл?

Мне понравилось выражение искреннего удивления на лице бывшего мага. Похоже, мысль, что проблемы могут возникнуть не только у него, для Мажеровского внове.

– Мне кажется, – веско сказал я, – что на этот вопрос лучше всего ответить можете вы сами.

Александр случайно, а может и не случайно, крутанул кресло так, что окно, за которым день медленно катится к закату, оказалось за его спиной. Жаль, слова могут и врать, а вот глаза врать не умеют.

– Вспомните, – попросил я. – Это должно быть что-то важное. Скорее всего, что-то из вашей «боевой биографии» человека, дошедшего до внутреннего Черного круга.

– Разве столько упомнишь, – огорчился маг, пожимая плечами. Горькая самоирония наполнила его слова.

– Тогда давайте так, – предложил я выход. – Я задаю вопросы, вы предельно откровенно на них отвечаете. Идет?

Лицо мага скривилось, словно у него внезапно разболелся зуб. Но противиться Мажеровский не стал.

– Давайте попробуем, если по-другому нельзя.

– Это нужно не мне, – жестко напомнил я.

– Разумеется, – нахмурился Мажеровский, справившись с минутной слабостью. – Чем смогу...

– Скажите, в последнее время, до того, как появилось ощущение дискомфорта, ничего необычного не происходило? Станные визиты, загадочные письма, еще что-то?

– Писем не было, – уверенно заявил Мажеровский. – Да и посетителей тоже... Я живу обособленно, друзей в миру

не осталось, так, пара хороших знакомых, но они меня частыми визитами не балуют. Иногда, если Азар занят, один его знакомый, тоже тролль, привозит продукты. Но я его практически не вижу, Азар сам утрясает эти вопросы. Еще время от времени вызываем специалиста для осмотра Буревеста и дракабля. Но в нем давно необходимости не возникло, Азар хорошо приглядывает за питомцами, – Мажеровский на мгновение задумался, честно пытаюсь припомнить все возможные визиты. Потом, нахмурившись, добавил: – Бывает, заглядывает на огонек целительница, Анна Карловна, моя хорошая знакомая. Она пользуется меня практически с рождения, еще маменька прислушивалась к её рекомендациям. Но в ней я уверен, как в себе самом.

Может, мне показалось, но при упоминании имени целительницы, в глазах мага мелькнуло смятение.

– Вы больны? – без обиняков спросил я.

– Не ваше дело! – вскинулся маг. Тема для него явно болезненная, но мне не до церемоний.

– Мы же с вами условились... – напомнил я о договоре. Мажеровский поморщился с откровенной досадой, но все же ответил, нервно раскуривая трубку. Сизое облако лениво потянулось к распахнутому окну, за которым пожаром разго-

релся закат.

– Да, у меня есть проблемы со здоровьем, возникшие после несчастного случая, – сознался, наконец, Мажеровский. – Головная боль... Частично потеря памяти...

– В смысле тут помню, а тут забыл? – удивился я.

– Что-то вроде этого. Потеря памяти – это основная причина, по которой пришлось бросить практиковать магию. Заклинания сложные, требуют полной концентрации и безукоризненного выполнения рецептуры. Перепутаешь пару слов и привет...

Ясно...

– Да! Еще! Про посланца от моего бывшего учителя я говорил?

– Сегодня еще нет, – ответил я, подавшись вперед. Может, что новое вспомнил? Но Мажеровский меня разочаровал.

– Я так и не понял, что ему было нужно, – пожал он плечами.

– Может быть, вы что-то брали у учителя в займы, да за-

памятовали? – осторожно спросил я. – А теперь старый учитель переживает, хочет вернуть свое имущество?

– Нет, это исключено. Уходя, я рассчитался по всем счетам!

Сказано со вкусом, словно на кануне дуэли. Или самоубийства. Но внутренний голос настойчиво подсказывает, что маг искренен не до конца.

– Я твердо уверен, что никому ничего не должен. Так и объяснил посланцу. А он повел себя очень некорректно, – поделился Мажеровский. – Стал угрожать, кричал, что мне лучше вернуть кристалл, иначе на мою голову обрушатся несчастья. А сам не смог даже толком объяснить, что за кристалл и для чего он нужен. Так мы и не пришли к единому мнению.

– Понятно, – задумчиво протянул я, наблюдая, как Мажеровский выбивает трубку. Седая кучка пепла осела в пепельнице, а остывшая трубка заняла привычное место в углу рта Мажеровского. Вероятно, она способствует его успокоению. – А когда посланец вам надоел со своими претензиями, Азар выбросил его за ворота?

– Разумеется, – развел руками Мажеровский. Мол, а что

было делать?

Я задумался. Похоже, все закручивается вокруг таинственного кристалла. Если он окажется в руках Скорпио, то Мажеровского оставят в покое, дав ему возможность спокойно дожить остаток дней. И обратное тоже верно. Не получив кристалла, Скорпио...

Мажеровский, посасывая холодную трубку, исподволь наблюдает за мной. Внешне почти спокоен, только пальцы правой руки выбивают дробь на столе. Волнуется. Значит, как говорит хорошая морская практика, клиент, скорее всего, не до конца откровенен. Поднажать?

Тихо, проникновенно говорю, заглянув в глаза цвета небесной лазури:

– Ну, а теперь, между нами, девочками. Что за кристалл?

В ответ кристально-честный взгляд. И преувеличенно правдивый ответ:

– Понятия не имею.

– Не верю, – сказал я, опробуя на собеседнике неотрази-мо-суровый прищур правого глаза. Не сработало. Мажеров-

ский, не обращая внимания на мои ухищрения, рассмеялся и сказал, разводя руками:

– Ничем не могу помочь.

– Ну, хорошо, – сдался я, признавая неэффективность мимики. – Не знаете, что за кристалл, для чего он нужен. Но догадки у вас должны быть? Вы же не один год провели в обществе Скорпио.

– Никаких! – сказал маг, как отрезал. Даже улыбка испарилась, а в глазах появился ледок. Вот крабий хвост! Сначала кричит: спасите-помогите! Воздействует на мое обостренное чувство сострадания, а как дошло до дела, так сплошные тайны с грифом: не лезь – убьет!

Ладно, посмотрим...

– Кому известно, где вы живете, удалившись от мира? – решил я сменить опасную тему.

Мажеровский пожал плечами.

– Я не делал из этого тайны, – доверчиво сказал он, поглядывая в окно, наливающегося вечерней синевой. – Просто все, с кем мне приходилось общаться, знают, что я решил

стать отшельником...

Я невольно окинул взглядом шикарно обставленный кабинет. Не слабая пещерка отшельника. Чтоб я так жил!

– ... И поэтому не приветствую внезапных визитов, даже дружеских.

– Может быть, у вас остались не долги, а какие-нибудь обязательства?

– Я же вам сказал, что... – отмахнулся досадливо маг от моей настырности, но осекся. Я замер, боясь спугнуть. Кажется, что-то наклюнулось.

Повисла тишина, подчеркнутая мерным шелестом прибоа. Птичий гомон стих и только тихая мелодия доносится откуда-то издалека, пробуждая в душе светлую печаль. Мажеровский шумно вздохнул, отвлекаясь от печальных мыслей, и, заметив, что в комнату незаметно вполз сумрак, зажег свечу. Переставил пепельницу, принялся по новой набивать трубку, рассыпая крошки табака на полированную поверхность стола.

Стало понятно, что клиент просто тянет время. Наконец, когда трубка запыхала клубами дыма, Мажеровский собрал-

ся с духом и сказал:

– Видите ли, Марк, – начал он издалека. – Когда все целители в один голос заявили, что жизнь моя стремительно катится к закату и ни Белая, ни Черная магия не в силах отсрочить скорый конец, я вдруг осознал, что в моей жизни осталось слишком много белых пятен. Я необдуманно оставлял заполнение их цветом и эмоциями на потом. Дожив до седых волос, я не познал любви, радости отцовства, не прочитал массу хороших книг, не успел полюбоваться шедеврами живописи... Вся жизнь была подчинена строгому расписанию, не оставлявшему места для «глупостей», как называл мой учитель маленькие житейские радости, – Мажеровский взглянул на меня. Убедившись, что безраздельно владеет моим вниманием, он продолжил: – К примеру, мне часто приходилось вставать на рассвете. Многие заклинание этого требовали. Но только здесь, в добровольном изгнании, я впервые осознал, насколько это восхитительное зрелище – рассвет. Солнце неспешно поднимается из-за горизонта, даря нам радость света и жизни, – Мажеровский замолчал, погрузившись в воспоминания, губы растянулись в блуждающей улыбке, в глазах засветилась тихая печаль.

Я вдруг осознал, что все, что он сказал, применимо ко всем нам. Все мы летим по жизни, чего-то добиваясь, куда-то опаздывая и откладывая на «потом» милые пустячки,

способные скрасить жизнь. Словно впереди у нас вечность, а не бездумное небытие.

Самое обидное, что обычно достижение всех этих мирских вершин не приносит удовлетворения, потому что за каждой из них открывается новая вершина, которую нужно срочно покорить. И мы мчимся, спешим, не замечая обиды в глазах позабытых близких, отмахиваясь от жалоб матери. Потом, все потом, вот покорю эту вершину и отдохну, и всем будет хорошо. А действительно счастливым чувствуешь себя в единичных случаях. К примеру, не чаял встретить рассвет, зажатый в кольцо нежити, но подоспела помощь, и твой голос присоединился к хвалебной песне птиц, приветствующих светило. А бывает: всю ночь зуб «жизни давал», а к утру милосердно затих. Пустячок, а приятно...

Мажеровский тряхнул головой, возвращаясь к реальности.

– В общем, я решил наверстать упущенное, насколько позволит Зиждитель, а там будь, что будет. Поэтому собрал в родовом замке дорогие сердцу вещи, книги, не прочитанные из-за нехватки времени, картины, радующие глаз и душу. В подвале замечательная коллекция вин, в саду – фрукты, в море – деликатесы. Я даже дракабль приобрел для морских прогулок, благо я в состоянии позволить себе любой

каприз. Надобность в слугах сама собой отпала после того, как в замке поселился Азар. Он упорно считает меня спасителем, хотя ничего особенного я для него не сделал. Если честно, – Мажеровский улыбнулся, – мне приятно его общество, я впервые встретился со столь бесхитростным и бескорыстным существом. Но... Всё было замечательно, но для полного комфорта понадобилась женщина, – маг смущенно развел руками, мол, ничто человеческое мне не чуждо. – Тогда я вспомнил одно прелестное создание, с которым мне довелось мимолетно встретиться. Однажды, в силу обстоятельств, пришлось гостить у..., – маг замялся, подбирая слово, – ... у коллеги. Разумеется, он предоставил мне не только стол и постель, но и юное тело, чтобы эту самую постель согреть.

Мне доводилось слышать об этом «милом» обычае, весьма распространенном в среде практикующих Черную магию. Чернокнижники несут на себе печать жестокости и равнодушия, поэтому без труда называют красивую невинную девушку «телом для согревания постели». Отношение соответственное: гость может замучить девушку насмерть, если ему взбрдет такой каприз, а утром хозяин лишь заботливо поинтересуется, получил ли гость должное удовольствие. Мне составило большого труда сдержаться, мои губы предательски дрогнули при последних откровениях Мажеровского. Но, приложив максимум усилий, я продолжил слушать

с непроницаемым выражением лица.

– Эллина оказалась очень милой и послушной девушкой, – с выражением легкого смущения поделился Мажеровский. – Плюс ко всему она подарила мне невинность.

Глядя на смущенное лицо мага, я невольно хмыкнул. Откуда в черном маге, пусть бывшем, столько детской доверчивости? Да любой мало-мальски грамотный целитель вернет невинность самой заезженной шлюхе за какие-то полчаса и энное вознаграждение. Уж ему ли не знать все эти фокусы...

Мажеровский заметил мою скептическую реакцию и кинулся горячо защищать любимую:

– Меня не так легко провести, как может показаться! – запальчиво заявил он, словно я вслух высказал сомнение. – Я в состоянии отличить девственницу от шлюхи, мне по штату положено!

А ведь он прав. Жертвоприношение девственниц в черной магии нормальное, хоть и запрещенное законом, явление. И определять эту самую девственность магу приходится на глазок. Не будешь же валять на улице всех, кто носит юбку. А так на глазок прикинул, хватить и в карету, пока мам-

ки-няньки не хватились. Ищи потом ветра в поле.

– Я разве спорю? – пожал я плечами. В конце концов, мне то какое дело?

Мажеровский вскочил, его силуэт четко выделился на фоне потемневшего окна, чародей заметался по кабинету от стола к аквариуму и обратно, продолжая говорить горячо, с надрывом.

– К большому сожалению, в тот раз я не осознал, какой брильянт оставляю в том навозе! Голова была другим занята, сложный эксперимент был на грани срыва. До чего же я был глуп и слеп! Занимался такими глупостями, когда настоящее чудо находилось рядом, только руку протяни!

Так, еще немного, и он примется рвать на голове волосы.

– Но теперь вы вместе, – успокаивающе сказал я. – Значит, прозрели?

Мажеровский остановился, невидяще уставившись на рыбу, чьи плавники лениво колышутся за толстым стеклом.

– Да, вы правы, – ответил маг, сбавляя обороты. – Теперь мы вместе. Когда я поселился в замке, и пришло осознание,

что чего-то не хватает, я вспомнил об удовольствии, полученном при той мимолетной встрече. Захотелось освежить воспоминание. Я обратился к... к коллеге, её хозяину. Если честно, он не пришел в восторг от моей просьбы, уж не знаю, почему. Предлагал на выбор других девушек, но ни у одной не оказалось жемчужно-серых глаз. Памятуя о нашей единственной, такой памятной, ночи, я настоял...

Мажеровский замолчал, порывисто дыша, пятерня, сверкая перстнем, взъерошила волосы, взгляд заметался с предмета на предмет, маг явно прячет от меня глаза. Ба! Да нас, не иначе, совесть мучает!

– Эллина стала моей собственностью, – хриплым шепотом продолжил он. – Она по-прежнему была мила и прекрасна, как бутон, умытый утренней росой, но, заглянув в жемчужно-серые глаза, я содрогнулся, – мучительная гримаса исказила лицо Мажеровского. – Понимаете, в глазах девушки появился страх затравленного зверька, ожидающего гибели. Позже я на её теле обнаружил множество тонких, почти незаметных шрамов...

Я присвистнул. Раны должны быть действительно ужасными, если целителям не удалось залечить их так, чтобы не осталось шрамов. Обычно такие раны бывают смертельными.

– Она доставила много хлопот кому-то из целителей, – словно подтверждая мои мысли, тихо сказал Мажеровский. Его лицо стало похожим на маску, только в глазах горел огонь, да судорожно сжатые в кулак пальцы выдавали, какая буря клокочет в душе бывшего чернокнижника.

– Девушка прошла все круги ада? – спросил я. Мажеровский кивнул.

– А вы её купили, – жестко подвел я итог.

Мажеровский неожиданно замялся.

– Не то, чтобы купил... Мне пришлось её обменять... Я все равно не хотел, чтобы по замку сновали толпы народа.

Гениально! Обменял понравившуюся девку на десяток других, надоевших.

– И всё равно хозяин согласился на обмен очень неохотно...

«Сопrotивлялся до последнего», – уточнил я мысленно.

– ... Только уважение ко мне... (читай – страх перед силь-

ным) ...заставили его, в конце концов, согласиться.

История, конечно, душещипательная. Но к кристаллу никакого отношения, по крайней мере, на первый взгляд, не имеет. Может, Мажеровский в обмен на девушку, предлагал её хозяину какой-нибудь кристалл, да запомнил отдать? Да нет, глупости, в среде чернокнижников любая, пусть даже самая распрекрасная, девушка котируется гораздо ниже, чем самый завалющийся кристалл. Уж скорее Мажеровский мог потребовать в довесок к девушке приглянувшийся камешек.

– Ни о каких кристаллах при той сделке речи не заходило, – хмуро сказал маг, словно подслушав мои мысли. – Так что не думаю, что история моего знакомства с любимой девушкой может как-то помочь вам решить проблему кристалла.

– Кто знает, – пожал я плечами, разглядывая клиента. Ох, темнит Мажеровский, явно что-то скрывает. – У вас, чернокнижников, так все запущенно, сложно и загадочно... Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Мажеровский мигом ошетинился, будто я ему на любимую мозоль наступил.

– С тех пор я многое переосмыслил и целиком осознал ошибки. Теперь я совершенно по-другому смотрю на жизнь, – он запнулся, переводя дыхание, потом продолжил: – Я теперь только об одном жалею: исправить былые ошибки времени почти не осталось. Но, по крайней мере, я не стану совершать новые.

Конец фразы был произнесен трагическим шепотом, маг застыл, глядя куда-то в одну точку, челка упала на лоб, скрывая от меня пронзительно-синие глаза, в которых плещется откровенное бессилие.

Жалкое зрелище.

Я не стал форсировать события, позволил Мажеровскому справиться с нахлынувшими эмоциями. Хотя, если честно, особого сочувствия к чернокнижнику, пусть и покаявшемуся перед ликом Смерти, я не испытал. Все мы крепки задним умом, а вот просчитывать следствия поступков никто не любит.

Зато сам собой отпал вопрос, на который я до сих пор не находил ответа. А именно, я не мог понять, почему Скорпио до сих пор не дал команду раскатать замок по камушку в поисках кристалла? Похоже, Скорпио просто не уверен, что кристалл находится именно здесь. Да и опасается, что

в ходе грубого обыска камень может пострадать.

Поэтому, пока наблюдение. Пока.

11 глава

Скорпио придирчиво осмотрел зал храма. На стенах, плавно переходящих в сводчатый потолок, все еще видны следы плесени, изукрашившей камень причудливым узором. Зато горгулии, стоящие вдоль стен, уже очищены и сверкают агатом выпученных глаз. Каждая из них держит в зубах горящий факел, свет от которых борется с мраком. Но, несмотря на это, углы Храма по-прежнему скрыты в сумраке, в котором ворочаются странные тени, вселяющие в сердце ужас перед неизвестностью.

Чернокнижник шагнул вперед, вдохнул сырой, пропитанный запахом плесени, воздух, гримаса отвращения перекосила его лицо. Прямо перед ним возвышатся большой каменный помост, на котором когда-то совершался обряд жертвоприношения.

Невероятно: Храм находится в жутком запустении и разрухе, но на помосте нет ни следа плесени или хотя бы пыли, словно его все это время использовали для ритуалов. Маг-отступник осмотрелся. Складывается впечатление, что служители Храма покидали его в страшной спешке, кругом валяется брошенная ритуальная посуда и прочая утварь, по большей части золотая, изукрашенная драгоцен-

ными камнями. Все заплетено паутиной гигантских пауков, единственных обитателей старого храма, во множестве расплодившихся под его сводами. Скорпио лишился трех зомби, прежде чем догадался выжечь злобных тварей огненными шарами.

Неспешно поднявшись по крутой лестнице, ведущей на помост, Скорпио в который раз принялся изучать сложную пентаграмму, вырезанную в камне. Огромная, метров пять в диаметре, она заняла практически весь помост, оставив место только для жертвенника со сложной системой желобов, ведущих к пентаграмме, покрытой запекшейся кровью.

Этой ночью чернокнижник в очередной раз посетил заброшенный Храм именно для того, чтобы опробовать эту систему. Нужно точно узнать, сколько нужно крови для полного заполнения пентаграммы. Такие сложные заклинания небрежности не прощают.

Глаза мага невольно обратились к каменному истукану, у чьих ног распростерся помост. Голова истукана теряется в тени под куполом, выделяясь силуэтом на фоне круглого отверстия в потолке, полного звездной пыли.

– Наконец-то удалось обнаружить врата, – прошептал

Скорпио, испытывая двойственные чувства при взгляде на искаженное злобной гримасой лицо Чернобога.

Из-за фигуры идола медленно выдвинулась процессия зомби, несущих на руках молодую женщину. Её длинные черные волосы метут грязный пол, голова безвольно болтается в такт шагам зомби. И только едва уловимое дыхание говорит о том, что жертва жива.

Следом за зомби из-за истукана суетливо вынырнул юркий карлик, пригнутый к земле огромным горбом. В руке карлика покачивается крепкая клетка, в которой бьются две огромные летучие мыши, возбужденно хлопающие крыльями.

– Хозяин, все готово, – расшаркался карлик и кинул на зомби злобный взгляд. – Быстрее, остолопы, не заставляйте хозяина ждать!

Безмолвные носильщики поднялись на помост и под придирчивым взглядом Скорпио уложили женщину на жертвенник. Недовольно скривившись, маг жестом велел зомби убираться прочь.

– С кем приходится работать, – буркнул Скорпио, провожая процессию брезгливым взглядом. – Хуже живых мерт-

вещей может быть только живой сыскарь.

Карлик с трудом вскарабкался на высокие ступени и засеменил к жертвеннику, не обращая внимания на протестующий писк летучих мышей, бьющихся о прутья клетки, гремящей по ступеням.

Скорпио последний раз проверил расположение жертвы. Ни одна капля крови не должна миновать положенного ей желоба. Карлик бросил клетку на пол, от чего металлическое эхо заметалось под сводами темного храма. Скорпио сморщился, но промолчал. Еще не время, дойдет очередь и до выходов жреца. Карлик, жалко перебирая короткими ножками, побежал вокруг пентаграммы, на ходу зажигая черные свечи, расставленные по периметру круга. Наконец все свечи, потрескивая, загорелись, языки пламени затрепетали под незримым сквозняком, а карлик замер на вытяжку перед чернокнижником, ожидая дальнейших распоряжений.

– Приступай, – эхо подхватило приказ, раздробив голос мага осколками по всему огромному храму.

– Слушаюсь и повинуюсь, – тихо ответил карлик, и говорливое эхо обиженно промолчало.

Девушка, распятая на жертвенном камне, не являлась

красавицей в привычном смысле. Простая крестьянка, аристократичными чертами не обладает, а если чем взор и привлекает, так только свежестью юности и крепко сбитым телом. Скорпио скользнул равнодушным взглядом по обнаженным прелестям: много лет минуло с тех пор, как женская красота зажигала огонь в его крови. Но скоро, очень скоро все изменится! Чернобог обретет долгожданную свободу и дарует освободившему его смертному вечную молодость.

Получив добро, горбатый жрец приступил к церемонии, и маг на время выбросил из головы сладкие грезы о будущем могуществе. Сейчас нужно проследить за всеми мелочами, чтобы потом, в самый ответственный момент какая-нибудь несуразица не поставила под удар весь процесс.

Карлик сунул руку в клетку, летучая мышь, схваченная за крыло, забилась, но карлик все равно извлек её из клетки. Осторожно придерживая кожистые крылья, жрец поднес голодную мышь к девушке, проявив неплохие, достойные целителя, познания в анатомии. Жадный укус, кровь хлынула в жадную глотку, но мышь безжалостно оторвали от горла жертвы, невзирая на возмущенный писк. Следующая синяя жилка, бьющаяся под бледной кожей, очередной укус и снова голодная тварь лишена законной добычи. Из глубоких ран вырвались фонтанчики алой крови, побежавшей вниз в желоб. Скорпио мимолетно подивился мастерству древних ва-

ателей. Ни одна капля крови не пролита мимо. Карлик без суеты достал еще одну мышь. Вскоре тело жертвы покрылось россыпью кровоточащих ран.

Скорпио, наблюдая за теплой кровавой каплей, одобрительно кивнул.

– Соображаешь, – бросил он карлику. Жрец, услышав похвалу, на глазах преобразился.

– Знаете, хозяин, можно было бы просто ножом вскрыть вены жертвы, – принялся он торопливо пояснять, – но дело в том, что слюна летучих мышей, попадая в рану, не позволяет крови свернуться. Поэтому раны не закроются, пока сердце не вытолкнет из холодеющего тела последнюю каплю крови.

– Правда? – скептически хмыкнул маг и карлик поник под ироничным взглядом.

Пентаграмма быстро набухла рубиново сверкающей кровью. Застывшие вокруг помоста зомби затаили монотонную мелодию, отдающуюся в костях неприятной вибрацией. Огни свечей всколыхнулись, по стенам заметались изломанные тени, на мгновение показалось, что истукан зашевелился, привлеченный запахом крови, смешанным с запахом пле-

сени. Даже Скорпио, привычный к такого рода мероприятиям, неожиданно для себя ощутил тошноту и легкое головокружение.

– Нужно торопиться, – пробормотал он, присаживаясь на невысокую скамеечку за алтарем. – Старуха с косой подбирается все ближе. Время на исходе... Чернобог ждет.

– Хозяин, одной жертвы явно недостаточно, – жарко зашептал горбун, неслышно подкравшийся к чернокнижнику. – Середина осталась сухой, это нарушит ход заклинания. Ключ сработает только если теплая кровь омоет его со всех сторон. Так написано в древних манускриптах.

– Знаю, – оборвал разглагоствования карлика Скорпио. Не без труда поднявшись с низкого сидения, он кинул взгляд на пентаграмму. Действительно, обескровленная жертва затихла, похожая на восковую куклу, а воронка в середине пентаграммы осталась сухой.

В старом фолианте, найденном Скорпио еще в годы ученичества, не указано, сколько жертв необходимо принести. Зато есть четкая миниатюра с изображением пентаграммы, полной крови. А в центре сверкающий кристалл: ключ к вратам Тартара. Тогда, по молодости, чернокнижник не придал значения фолианту, посчитав записи в нем легендой.

Но много позже, когда ясно пришло осознание брэнности собственного тела, стареющий маг вновь отыскал тот фолиант и выкрал его из хранилища.

Сподвиг его на это рассказ охотника, обнаружившего в горах заброшенный храм, в точности соответствующий описанному в фолианте храму Чернобога. Мечта, казавшаяся несбыточной, стала приобретать реальные черты. Нужно только в точности следовать рекомендациям фолианта, не взирая на всякческие глупые запреты.

Тогда Чернобог обретет свободу, а Скорпио получит от благодарного бога вечную молодость.

Охотник, обнаруживший храм высоко в горах, попросил приюта в замке мага в одну из грозовых ночей. Чернокнижник приютил недалёковидного путника и был вознагражден красочным рассказом о драгоценностях, брошенных в храме на произвол судьбы. Простодушный охотник не подозревал, что скрюченный болезнью старец в кресле напротив – один из опаснейших чернокнижников, поэтому не видел ничего страшного в том, чтобы потешить старика забавной историей.

Наутро охотник простился с радушным хозяином и даже получил золотой, с условием, что занесет в замок на обрат-

ном пути книги или свитки, если таковые обнаружатся в заброшенном храме. Весьма довольный собой, охотник удалился в сторону ближайшей деревни. Да вот беда, оказалось, в округе лютуют оборотни, а добродушный старичок забыл предупредить охотника об этом. В итоге Скорпио через какой-то час крутил в руке злосчастный золотой, к заброшенному храму из замка отправился отряд оборотней, а несчастная жена и семеро ребятишек так и не дождались возвращения кормильца с охоты домой. Чернокнижнику не пришлось прилагать особых усилий, чтобы сохранить месторасположение храма в тайне от широкой общественности.

Началась кропотливая работа по восстановлению храма и розыску сведений о ритуале, способном отворить врата Тартара. Скорпио переворочил массу документов и старинных фолиантов, ему приходилось подкупать и шантажировать хранителей архивов, зато результат не замедлил себя показать: в руках чернокнижника оказалась подробная инструкция. Осталось собрать воедино необходимые артефакты, дожидаться подходящего момента, и мечта воплотится в быль!

Чернокнижник, ослепленный мечтой о вечной молодости, не утруждал себя размышлениями о возможных последствиях его поступка.

– Как думаешь, двух жертв будет достаточно? – задумчиво спросил Скорпио, следя за тем, как быстро сворачивается кровь в желобах. Еще мгновение назад пентаграмма была полна рубиновых искр, а теперь её заполняет бурая слизь.

– На всякий случай нужно заготовить три, – жарко зашептал карлик, тщетно пытаясь дотянуться до уха господина.

– Хорошо, пусть будут три, – поморщившись, согласился Скорпио, не желая препираться по столь незначительному факту. – Вели прибрать тут, завтра ночью еще раз попробуем.

– Как прикажете, господин, – заверил карлик, кланяясь так, что совсем скрылся под горбом.

Окинув в последний раз взором зловещий храм, Скорпио двинулся к выходу, зомби, тупо пялясь перед собой, поспешно уступали дорогу хозяину. Ноздри чернокнижника все еще щекотал запах крови и плесени, впереди предстоял долгий спуск в долину, но мысленно старик уже перенесся в замок.

Через час, когда кони домчали карету к замку, маг первым делом, несмотря на усталость, сковавшую все члены, поднялся в кабинет. Дверь, захлопнувшись за его спиной, разбудила череп, дремавший на стопке бумаг, он заворочался,

в пустых глазницах замерцали зеленые всполохи.

– Явился, не запылится, – привычно буркнул череп, следя за тем, как Скорпио, припадая на больную ногу, идет к столу.

– Заткнись, – бросил маг раздраженно, выдвигая один за другим ящики стола.

– Что ищешь, старый маразматик? – ехидно поинтересовался череп. – Вчерашний день? Так он вчера прошел.

Скорпио вспылел, скрюченная рука потянулась, чтобы ухватить нахальную черепушку и шваркнуть её о стену, но потом маг передумал. Не до того.

– Не твое дело, – буркнул он, продолжая поиски.

В юности, когда Скорпио был молодым, подающим большие надежды учеником мага, пришлось ему как-то крепко повздорить с одним проходимцем, презрительно отозвавшимся о магии, о магах и их учениках конкретно. Ссора переросла в дуэль, свершилось кровопролитие, и учитель застал растерянного юношу над остывающим трупом врага. Свидетелей дуэли не оказалось, старый учитель пожалел талантливого ученика, не стал доносить о смертоубийстве властям. Труп же, чтоб не пропадал зря, пошел на пособие для

занятий некромантией. В результате занятий Скорпио стал владельцем тщательно отполированного черепа, наделенного псевдожизнью.

Так невежа поплатился за пренебрежение к магии второй раз. Но, здраво рассудив, оживший череп решил, что, раз терять нечего, значит, нужно хотя бы досадить обидчику. Проще всего – правдой-маткой, кою можно беззастенчиво резать прямо в глаза, причем, чем правда неприятнее, тем с большим удовольствием череп её выдавал на-гора.

Скорпио не раз подумывал об уничтожении беспардонной черепашки, но неожиданно для себя выяснил, что на занудном пресс-папье очень удобно срывать зло, когда больше никого нет под рукой. Стоит шваркнуть его об стену, так чтобы брызги во все стороны, и на душе как-то легче становится. А благодаря простенькому заклинанию, наложенному на череп, осколки сами собой в течение часа срастаются и, пожалуйста, можно снова препираться с разговорчивым пресс-папье.

Чернокнижник перевероршил все ящики, но зеркало так и не обнаружилось. С глухим стуком ящики задвинулись назад, взгляд Скорпио скользнул по столешнице. Так и есть, зеркало лежит под стопкой бумаги, на которой вольготно расположился череп. Маг рывком выдернул зеркало, череп

покатился по столу, клячая зубами. Докатившись до края, он опасно закачался, словно раздумывая, падать или не стоит.

– Даже не думай, – сухо сказал Скорпио, на мгновение отвлекаясь от ртутной поверхности зеркала.

– Психует, дергает..., – забормотал череп, возвращаясь на стопку бумаги. – Нет бы, сразу сказать, что потерял, так нет же, мы же умные, у нас своя голова на плечах. А в той голове ветер гуляет хуже, чем во мне...

Старик метнул гневный взгляд, череп осекся на полуслове и замолчал. Инстинкт самосохранения даже у черепашки, наделенной псевдожизнью, очень силен. Уж больно грозно выглядит хозяин, не иначе опять у него проблемы. А когда их не было? Всю жизнь не ищет легких путей, нет проблем, так специально их устраивает. Чего ему нейдется?

Блестящая поверхность зеркала помутнела, в глубине закружились туманные спирали, но на вызов ответить явно не спешат. Скорпио глянул в окно. Светает. Солнце еще не встало, но ночной мрак уже посерел, стали видны очертания предметов. Значит, вурдалак готовится ко сну. Ничего, перебьется, ляжет попозже, ничего страшного с ним не случится в наглухо закрытом подвале.

Наконец поверхность зеркала прояснилась, вместо собственного отражения Скорпио увидел подвал Карачуна. В зеркале отразился гроб с откинутой крышкой, небольшой стол у стены, но самого Карачуна не видно.

– Что за фокусы? Где его носит? – буркнул чернокнижник, нетерпеливо барабанил по столу. Кустистые брови сошлись на переносице, добавив морщин на лбу. Наконец мелькнула тень, крышка гроба со стуком захлопнулась, и в зеркале появилась невозмутимая физиономия вампира. Рука с длинными когтями неуловимым жестом стерла кровь с губ, и Карачун, сверкая клыкастой ухмылкой, поинтересовался:

– Чем обязан в столь неурочный час? Вы же знаете, Скорпио, что с восходом я вынужден ложиться в гроб. Вот получу амулет, тогда буду к вашим услугам круглосуточно.

– Как зарабатываешь, так и получишь, – ответил маг, безразлично вглядываясь в невозмутимую физиономию. Много раз чернокнижник ловил себя на мысли, что хотелось бы знать, о чем думает этот безжалостный охотник, взирающий после перевоплощения на людей лишь как на объект охоты.

– Что там у тебя по Стрельцову?

Карачун пожал плечами.

– Ведется плотное наблюдение, как и просили. Пока порадовать нечем, сыскарь ведет себя, как турист на отдыхе. Вы за этим со мной связались? Зря беспокоитесь, как будет что, я сам доложу.

– Нет, не за этим, – оборвал Скорпио разглагольствования вампира. Фамильярный тон нечисти жутко раздражает, но что поделаешь, лучшей кандидатуры для выполнения задумки не сыскать.

Карачун, заметив, что чернокнижник явно не в духе, прекратил ухмыляться.

– Ты, Карачун, должен мне кое в чем помочь, – начал развивать мысль старик. – Скоро полнолуние. Удачное время для заклинаний, требующих крови...

– Жертвы, что ли, нужны? – перебил мага вампир.

– Да нет же! – вспылил чернокнижник. – Жертвы я без тебя найду, не проблема. Кроме крови мне еще одна вещь необходима. А находится она, скорее всего, в замке Маже-ровского.

– Скорее всего? То есть вы не уверены, что она там?

Так в чем же дело? Загоните в ущелье стаю оборотней, они там все по камешку перетрясут буквально за ночь. Мажеровский, по-моему, живет обособленно, никто и не узнает. А еще, – ухмыльнулся вурдалак, – там девушка живет красоты неопишуемой, хоть и бледновата на мой вкус. Так вот, если Мажеровский увидит её в моих объятиях, сам отдаст все и еще сверху немножко.

– Девушку не тронь! – неожиданно обозлился Скорпио. – И вообще, ты можешь слушать, не перебивая? – зловеще поинтересовался маг, и упырь поежился под сверлящим взглядом.

– Ладно-ладно, – буркнул он. Какие мы нервные!

– Никаких оборотней я никуда загонять не буду. На это есть свои причины. Мне нужно, чтобы ты, Карачун, создал в замке такие условия, при которых мой человек сможет тайно обыскать замок и найти интересующую меня вещь. Ясно?

Вурдалак, давно забывший, что такое страх, невольно ужаснулся, пораженный одержимостью, мелькнувшей в глазах Скорпио.

– Как вы себе это представляете? – осторожно поинтере-

совался он.

– Пусть наблюдатель следит за замком. Как только Маже-ровский со своей пассией покинут замок хотя бы на день, а лучше на ночь, ты сообщишь об этом мне. Он любит морские прогулки, которые нередко затягиваются на день, а то и на два. Вот такой момент и выжидайте. Я вышлю спеца, а твоей задачей будет нейтрализовать Стрельцова и тролля, если они не покинут замок. Причем с сыскарем можешь не церемониться, по нему никто плакать не будет, а вот тролля нейтрализуй деликатно. Не хочу, чтобы мой бывший ученик, который и так на ладан дышит, испытал еще одно потрясение.

Карачун удивленно глянул на Скорпио. Вот не думал, что в черной душе мага сохранился хотя бы намек на сострадание. Не даром говорят: чужая душа – потемки...

– Складный план, – похвалил задумку вампир, прекрасно зная, что чернокнижник падок на лесть.

– Сам знаю. Твое дело – воплотить его. И не дай бог, ты меня подведешь! Мигом осинкой попотчую!

– Как можно! Да я для вас...! – всплеснул руками вурдак. Но глаза вампира хитро блеснули. – Но меня интересует

еще один вопрос.

– Какой?

– Ну, вы же понимаете, такая работа не по моему профилю, – замялся вампир. – Я все больше по устранению нежелательных персон, а тут такие сложности... Того убить, того не трогать. Опять же все свое время я посвящаю наблюдению за замком, приему донесений, докладами вам... Толком поохотиться некогда!

– Ближе к делу, – поторопил его Скорпио, прекрасно зная, что все дела, требующие хоть малейшего напряжения, выполняются за Карачуна оборотни.

– Я к тому, что если бы у меня был амулет, я бы успевал гораздо больше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.